

№1

Январь 2007

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

2007

*От Внешторгбанка к ВТБ.
Расширяя горизонты...*

Когда мы стремимся к намеченным целям, мы объединяем опыт, знания и силы, чтобы двигаться вперед и подняться на новую высоту.

9 банков в 8 странах СНГ и Европы.
Одно имя — ВТБ.

8 (800) 200-77-99
(звонок по России бесплатный)
(495) 739-77-99 (московский номер)

 Внешторгбанк

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Узнадзе, Донара Канделаки

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Курхули, Алена Деняга

№1
(16)
Январь 2007

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	РУССКАЯ КУЛЬТУРА ГЛАЗАМИ ДИПЛОМАТА	4
МИР РУССКОГО СЛОВА	БЕЗУСЛОВНЫЙ АВТОРИТЕТ	8
СТРОИТЕЛЬСТВО	ГРИБОЕДОВСКИЙ ПОДРОС НА ДВА ЭТАЖА	10
ЗНАЙ НАШИХ!	«ТЕАТР – ЯВЛЕНИЕ БОЖЕСКОЕ»	12
НОСТАЛЬГИЯ	«ГРУЗИЮ ЛЮБЛЮ ДАВНО, ГЛУБОКО И НЕЖНО»	18
ПРЕМЬЕРА	ЭТО ТЕБЕ ПОМЕРЕЩИЛОСЬ	20
ЛЕНТА ПАМЯТИ	НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ	24
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	ЭТО ВЕЧНОЕ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ...	27
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	НАС ОБЪЕДИНЯЛА ЛЮБОВЬ	30
ДИАЛОГ КУЛЬТУР	О НАРОДЕ, БЫКАХ И СВЯЩЕННЫХ КОРОВАХ	34
О, СПОРТ!	ВРАТАРЬ СТАЛИНА	38
ЮБИЛЕЙ	УВИДЕННОЕ ОЧАРОВАННЫМ ВЗГЛЯДОМ	42
ШЕДЕВР	БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ – БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО	46
ПАМЯТЬ	СУДЬБА ПОДАРИЛА ДРУЖБУ	49
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	«А ЗНАЕТЕ, СЕГОДНЯ МЫ ВСЕ ВМЕСТЕ...»	50
НАМ ПИШУТ	ВАЖНОЕ И ПОЛЕЗНОЕ ИЗДАНИЕ	52

Русская культура глазами дипломата

С послами Франции, Италии, Польши, Китая грузинская общественность хорошо знакома благодаря их активной деятельности, но в новогоднем номере «Русского клуба» мы решили поговорить с ними о русской культуре. Страны, которые представляют дипломаты, внесли большой вклад в мировую цивилизацию, и вместе с тем жители этих государств являются центрами истории и культуры других народов. Кстати, послы свободно владеют русским языком и поэтому беседе с ними мы вели на русском.

Ван Кайвэнь с супругой

ВАН КАЙВЭНЬ, Чрезвычайный и Полномочный Посол Китайской Народной Республики в Грузии

- Ваше отношение к русской культуре?

- Я очень люблю русскую культуру и все, что связано с русской историей и традициями. Русский язык я начал изучать с малых лет. В молодости я очень много читал. Прочел произведения всех русских классиков, начиная от Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Л. Толстого, Достоевского и до писателей советских

времен Есенина, Фадеева, Шолохова, Симонова. Недавно по российскому телевидению смотрел телесериал о жизни Сергея Есенина, и должен отметить, что открыл для себя много нового. Раньше, когда я работал в Москве, об этом мало что было известно. Кстати, я был на родине поэта - в Рязанской области, видел места, где он родился и жил.

- Кто из русских писателей популярен в Китае?

- Пушкин, Л. Толстой, Лермонтов. Очень популярен роман «Молодая гвардия» Фадеева.

- Каков интерес к русскому языку в Китае?

- В 50-е годы русский язык был популярен в Китае. В то время у нас были очень хорошие отношения с Советским Союзом, и представители старшего поколения неплохо владели русским. Позже более популярным стал английский, это связано с международными тенденциями. Хотя сегодня в отдельных регионах русский язык востребован. На северо-востоке Китая, ближе к Дальнему Востоку и Амуру, русский знают лучше, т. к. там китайцев и русских связывает совместный бизнес.

- В мире люди часто обращаются к китайской философии за мудрыми советами. Что китайцы желают на Новый год?

- У нас в Китае говорят: «Пусть сбудется все то, о чем вы мечтаете!» В нашей стране Новый год отмечают дважды. В первый раз - 1 января, а по лунному календарю - в конце января или в начале февраля. В этом году Новый год наступит 18 февраля. Отмечают, в основном, в семейном кругу и по обычаю собираются у старшего. Но дипломаты, в какой-то степени, кочевой народ. Иногда нам приходится встречать Новый год вдали от дома. Моя семья уже отмечала этот праздник в России, Казахстане, Латвии. В этом году встречаем в Грузии. Год Огненной Свиньи обещает быть плодотворным. Желаю всем счастья.

В конце интервью посол прочел наизусть стихотворение Пушкина «Я помню чудное мгновенье».

ФИЛИПП ЛЕФОР, Чрезвычайный и Полномочный Посол Франции в Грузии

- Когда вы впервые соприкоснулись с русской культурой?

- Достаточно рано, в семь-восемь лет. Мой отец работал инженером в химической промышленности и часто ездил в СССР. Из Москвы он привозил много сувениров, в том числе кассеты, и я имел возможность слушать русскую музыку и речь. Отсюда, наверное, и интерес к русской культуре. В 12 лет я увидел фильм «Александр Невский» Сергея Эйзенштейна и сразу влюбился в классический стиль кинематографа. После этого, когда я стал изучать русский язык, вместе со своим другом выучил наизусть весь текст «Ивана Грозного». Я даже сегодня помню некоторые фразы.

(Филипп Лефор читает отрывок).

В 15 лет стал глубоко изучать произведения русских писателей. Русская литература очень похожа на французскую литературу, обладает большими традициями. В девятнадцатом веке писатели двух стран были очень близки, было много общего в области техники написания романа. Впервые я посетил Москву в тридцать лет,

Филипп Лефор

как это ни странно. Так что мое знакомство с Россией произошло поздно, в 1987 году, когда меня назначили вторым секретарем посольства. Тогда началась моя дипломатическая карьера.

- А кто из русских писателей вам особенно близок?

- Мой самый любимый писатель, безусловно, Гоголь. Первое произведение, которое я прочел на русском, было «Ревизор». В школе я даже был занят в спектакле. Я играл Осипа и почтмейстера одновременно, т.к. у нас была маленькая труппа. Вообще, «Ревизор» – одна из самых интересных и комичных пьес. Позже меня увлекли «Невский проспект» и, естественно, «Мертвые души».

В моей библиотеке вы увидите произведения Л. Толстого, Пушкина. Его «Пиковую даму» я считаю одной из самых красивых повестей в русской литературе. Очень люблю автора советского периода Александра Солженицына, но самый трогательный автор Варлам Шаламов с его «Колымскими рассказами». Среди моих любимых авторов, которые описывали Кавказ, Лермонтов, Л. Толстой. В их произведениях прекрасно передано прошлое.

- С Кавказом вы познакомились и благодаря книгам Александра Дюма...

- Естественно. Кстати, Дюма был очень близок с русскими писателями, поэтами. Между ними происходил очень интересный обмен мнений, мировоззрений, когда Дюма путешествовал по Кавказу.

- Французская литература и кинематограф всегда были популярны на постсоветском пространстве. Знакомы ли французы, скажем, с грузинским и российским кино?

- Да, конечно, среди французов популярны Отар Иоселиани, Тенгиз Абуладзе. Из режиссеров советско-

го периода самым популярным был Андрей Тарковский. Лично я сам очень люблю фильмы Тарковского, хотя, по моему мнению, его последние картины, скажем так, менее русские.

- Есть ли интерес к русскому языку во Франции?

- Безусловно. Традиционно русский изучают в лицеях. Ежегодно на работу принимают преподавателей русского языка. В нашей стране очень много студий русского языка. Дело в том, что у нас много французов русского и украинского происхождения. В разное время многие приезжали во Францию. В России также есть эмигранты из Франции.

- Известно, что президент Франции Жак Ширак перевел «Евгения Онегина».

- Да, он изучил русский язык в юности и хорошо говорит на русском.

- Как ваша семья встречает Новый год?

- Самый большой праздник во Франции – Рождество. Это больше семейный праздник, а 1 января люди выходят на улицы и устраивают народные гулянья. В этом году я вместе со своими детьми встречаю Новый год в Тбилиси. Желаю всем большого счастья, здоровья, мира и развития.

ЯЦЕК МУЛЬТАНОВСКИ, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Польша в Грузии

- Что для вас значит русская культура?

- Во-первых, хочу отметить, что очень рад побеседовать на эту тему, т.к. русская культура – очень важный элемент в моей жизни, моем образовании. Хотя по образованию я классический филолог, но, помню, в бытность студентом Варшавского университета, читая древнегреческих и древнеримских авторов, я стал читать русскую классику. Представьте себе, что сейчас вы находитесь у меня дома в Варшаве и я показываю вам свою библиотеку. Так вот, самое большое место отведено в ней именно русской литературе. Я не мог пройти мимо того, что писали и пишут российские писатели. Для меня лично, и, я думаю, для многих поляков, российская культура является прочным фундаментом знаний, к которому необходимо обращаться, чтобы иметь свои взгляды, мнение... Для польских писателей, деятелей театра и кино русская классика всегда была ориентиром, имеющим мировое значение. Россияне и поляки всегда вели диалог посредством культуры, независимо от того, как исторически складывались польско-российские отношения. Этот диалог никогда не прекращался, он и сейчас идет, и поэтому сегодня через культуру мы открываем новые сферы диалога.

- Что больше всего вас привлекает в русской культуре?

- Прежде всего, литература, хотя это не единственная область. Благодаря хорошим переводчикам и литературоведам мы близко познакомились с русскими авторами. Были отличные переводы, составлялись путеводители по русской литературе. Я говорю о периоде восьмидесятых годов, когда часть полноценной литературы была доступна лишь в самиздате, нелегально, поскольку это были коммунистические времена. Мы познакомились с произведениями мировой литературы,

Яцек Мультановски

которые прежде всего касались опыта тоталитаризма, поднимали вопросы тоталитарных систем, нацизма и коммунизма. У меня хранятся книги русских писателей, которые выходили в Париже, Лондоне... Для меня одним из самых значительных писателей 20 века является Варлам Шаламов. Его «Колымские рассказы» занимают ведущее место в мировой литературе по вопросам тоталитаризма. Как я отметил, наше поколение интересовало именно эта тема, и мы читали тех, кто описывал трагическую судьбу российских людей: Василия Гроссмана «Все течет», Георгия Владимова «Верный Руслан», Андрея Платонова «Котлован» и многих других.

Из классиков мне близок Антон Чехов. Я влюбился в его пьесы, хотя и рассказы очень ценю. В польских театрах я видел много постановок «Трех сестер», «Дяди Вани», «Чайки»... Чехов очень важен как автор современной драматургии, давший фактически направление ее развитию. Я всегда пользуюсь возможностью пойти в театр и посмотреть спектакли по пьесам Чехова. Он затрагивает вопросы экзистенциализма.

Из более позднего периода я бы выделил талантливого писателя, трагически погибшего Исаака Бабеля. Его «Одесские рассказы» - вершина творчества. Это яркий пример того, как надо писать рассказы, чтобы дотянуться до глубины. Из современных очень люблю книги Юрия Трифонова, который описал судьбу московской интеллигенции в советские времена. Для нас было важно увидеть взгляд извне, из Москвы. Большое впечатление произвели его повесть «Дом на набережной», исторический роман «Нетерпение» - о деятельности организации «Народная воля» и ее организатора и руководителя Андрея Желябова. Безусловно, в Польше всегда была культовой книга «Мастер и Маргарита»

Булгакова. Я читал еще первое издание в Польше в 1976 году.

Из поэтов очень люблю Осипа Мандельштама. Не может не волновать его трагическая судьба, история его семьи и книга его супруги Надежды Мандельштам. Очень люблю творчество Пастернака, Цветаевой, Ахматовой, Бродского, которые в Польше хорошо известны. За творчеством современных писателей не успеваю активно следить, но могу сказать, что сегодня в Польше модными писателями являются Виктор Пелевин и Виктор Ерофеев. Кстати, у нас давно стала культовой книга «Москва-Петушки» Венедикта Ерофеева.

Должен назвать и тех прекрасных переводчиков, которые влюбились польский народ в русских писателей: это Андрей Гравич, Виктор Ворошинский.

- Вы знаете, что тридцать лет подряд вся страна в канун Нового года смотрит фильм «Ирония судьбы, или С легким паром!» с Барбарой Брыльска в главной роли.

- Да, но я узнал сравнительно недавно. Российским кино я стал интересоваться, когда только открывал для себя кинематограф. Российское кино для меня - это Дзига Вертов, Всеволод Пудовкин, Сергей Эйзенштейн, которые стояли у истоков не только российского, но и мирового кино. Люблю экспериментальное кино, фильмы Андрея Тарковского, в особенности, «Сталкер».

В искусстве привлекает российский авангард и футуризм, все, что происходило в начале 20 века, когда появились такие выдающиеся личности, как Малевич, Маяковский...

Для моего поколения и людей постарше в диалоге через культуру всегда участвовали конкретные личности: Юрий Любимов, Владимир Высоцкий... С Театром на Таганке знаком с юности. Хорошо помню Высоцкого в «Гамлете», поставленном Ю. Любимовым, во время гастролей в Варшаве в 1980 году. В Польше очень любили Булата Окуджаву. Он дружил с польской поэтессой Агнешкой Ощецкой и часто приезжал в нашу страну.

- Каков интерес к русскому языку в Польше?

- Наверно, открытия не будет, если скажу, что сейчас на первом месте английский. Во времена коммунизма в школе мы обязаны были изучать русский язык, но честно говоря, я знаю мало людей, которые после окончания школы владели языком, т.к. к его изучению нас принуждали, и мы воспринимали это как давление, нажим. Параллельно был контакт с настоящей литературой. Сегодня русский не может конкурировать с английским, но молодые люди понимают, что знание одного языка недостаточно. Комбинация знания английского и русского открывает возможности работы в России, Украине, Белоруси, Средней Азии, а также в международных организациях. В последнее время я наблюдаю растущий интерес к русскому языку. Очень много молодых людей желает поступить на факультет русской филологии в вузы Польши. В основном же, молодежь русским языком не владеет, а жаль. Меня интересует также российский рок, который в Польше неизвестен. Польский рок чем-то похож на российский. Мне нравилось, что люди таким образом выражали свой протест. В моей коллекции есть аль-

бомы «Чайф», «ДДТ», «Машины времени», легенды рока Виктора Цоя... Очень люблю питерскую группу «Сплин». На польском радио шла программа «Русский рок», знакомившая слушателей с новинками рока, но чтобы хорошо понять рок желательно знать язык.

- Как поляки встречают Новый год?

- В Польше главный праздник – Рождество, а самый важный день в году – сочельник, накануне праздника Рождества Христова. Ни Новый год, ни другие праздники не могут сравниться с этим днем. Это семейный праздник. Праздновать начинают вечером, когда вся семья собирается за столом. Все блюда постные, их должно быть двенадцать. На стол также ставят лишний столовый прибор для того, кто может прийти к ним. В этот день никто не должен быть один. О значении Нового года я узнал на постсоветском пространстве благодаря фильму «Ирония судьбы, или С легким паром!». Это прекрасная картина, с хорошими песнями в исполнении Аллы Пугачевой. Я очень люблю фильмы Рязанова, но об этой картине в Польше мало известно. Когда я работал в Казахстане, организовал показ польских фильмов и мне удалось пригласить Барбару Брьльска. По стечению обстоятельств в то же самое время в Алма-Ате на гастролях был московский театр вместе с Ипполитом – Юрием Яковлевым. Можете себе представить, что это была их первая встреча после съемок. Этот фильм есть в моей коллекции и мы часто смотрим его дома. Кстати, Рождество и Новый год мы встречаем с семьей в Польше.

- Ваши пожелания нашим читателям?

- Я слежу за каждым номером «Русского клуба» и получаю очень интересную информацию. Обычно поляки желают, чтобы Новый год был удачнее предыдущего. Но об удаче можно говорить, когда есть здоровье. Желаю всем здоровья, успеха в ваших начинаниях. Желаю, чтобы вам сопутствовал вкус культуры, чтобы вся наша деятельность сопровождалась красотой.

ФАБРИЦИО РОМАНО, Чрезвычайный и Полномочный Посол Италии в Грузии

- Когда вы открыли для себя русскую культуру?

- Каждый итальянец, любящий литературу, с ранних лет начинает читать русских классиков. В десять-одиннадцать лет я уже был влюблен в творчество Гоголя. В Италии Гоголь очень популярный писатель. Все мальчики в школе читают «Шинель».

Русская культура потрясающая, высокого уровня, и с ней должны соприкоснуться все. В 16 лет я впервые вместе с родителями посетил СССР и после того стал серьезно изучать русский язык. К двадцати годам прочел почти всех русских классиков как в переводе, так и в оригинале. Меня интересует и живопись начала двадцатого века. Авангард не люблю, меня привлекает классическое направление. Среди художников я бы выделил Рериха.

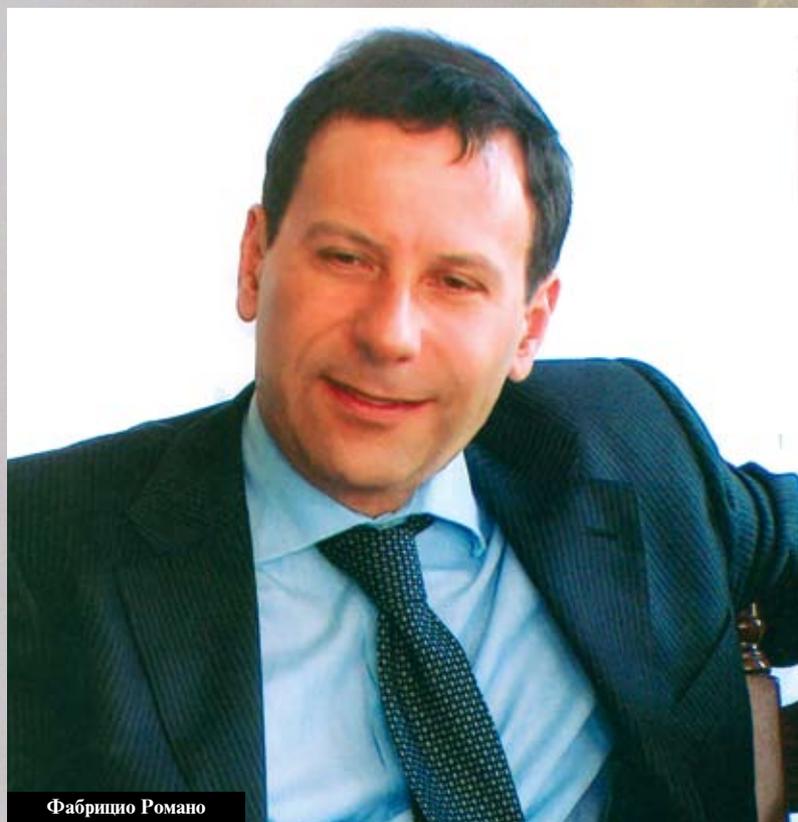
- Произведения каких русских писателей есть в вашей библиотеке?

- У меня богатая библиотека. Я приобрел много книг, начиная от «Слова о полку Игореве» до полных собраний сочинений Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Л. Толстого, Тургенева, Салтыкова-Щедрина...

Очень люблю поэзию Валерия Брюсова. В Москве я также купил книги Ерофеева, Лимонова.

- Италия – родина оперы, но интересно узнать, увлекаетесь ли вы, например, русской оперой?

- И очень люблю. Во время работы в Москве, в бытность первым секретарем посольства, часто ходил в Большой театр и в музыкальные театры. Моя лю-

Фабрицио Романо

бимая опера – «Евгений Онегин». Это высочайшего уровня произведение Чайковского. В Италии учащиеся изучают произведения выдающихся русских композиторов.

- Каков интерес к русскому языку в Италии?

- Интерес к русскому языку есть, ведь это язык очень богатой культуры. Русский изучают на факультете славянских языков. Хотя статистикой, какой процент итальянцев владеет русским, я не располагаю. По моим наблюдениям, в России многие говорят на итальянском и, на мой взгляд, это вызвано тем, что итальянский легче изучать. Русский язык же очень сложный.

- Ваши новогодние пожелания?

- Прежде всего желаю здоровья, семейного счастья и успехов в профессиональной работе. Хотелось бы пожелать также мира и стабильности в стране.

Поскольку тема нашей беседы – русская культура, то желаю, чтобы молодое поколение не теряло знание русского языка. Я заметил, что 18-20-летние в Грузии не владеют русским. Кстати, слышал, что президент Михаил Саакашвили даже выразил сожаление по поводу этого. Очень жаль, ведь этот язык позволяет общаться не только с русскими, но и с представителями всего постсоветского пространства.

МИРАНДА ОГАНЕЗОВА

БЕЗУСЛОВНЫЙ АВТОРИТЕТ

шения для укрепления государственности, национальной безопасности и престижа страны, развития интеграционных процессов в государствах-участниках СНГ, полноценного вхождения России в мировое политическое, экономическое, культурное и образовательное пространство. На реализацию этой программы федеральным бюджетом выделена колоссальная сумма – 1 300 млн рублей.

Отрадно, что и мировое сообщество подтверждает безусловный авторитет русского в качестве языка международного, его престиж и значимость в непростом мире общечеловеческих отношений начала XXI века.

Насколько реальна и оправдана такая высокая оценка роли русского языка в международной жизни на сегодняшний день? Ведь все мы свидетели того, как после распада СССР и союза стран социалистического лагеря отношение к русскому языку во многих новоопределившихся странах приобрело если не явно негативный, то во всяком случае далеко не позитивный характер. Предельно уменьшилось присутствие русского языка в средствах массовой информации, в политической, социальной, культурной, образовательной жизни общества. Надо быть слепым, чтобы не увидеть явно растущие тенденции к американизации культуры. В сфере образования, наряду с изучением родного языка, все большее предпочтение отдается английскому. И это не только у нас в Грузии.

Русский язык с его, казалось бы, незыблемым авторитетом языка межнационального общения, приобрел статус иностранного, изучаемого в школах в качестве второго или даже третьего (после английского и немецкого) языка. Все это привело к тому, что на огромных территориях постсоветского пространства за последние 15 лет выросло уже целое поколение молодых людей, совершенно не владеющих русским, еще недавно объединявшим народы разных национальностей, языком, служившим верным посредником во взаимообогащении культур.

Почти мифом кажутся времена, когда

В 2007 году журнал «Русский клуб» начинает разговор с читателем о мире русского слова, проблемах сохранения и распространения русского языка, бережного отношения к культуре русского слова. Обращение журнала к этой теме неслучайно. Во всем мире сегодня наблюдается повышенное внимание к языку, на котором говорит не только население Российской Федерации, но и многие миллионы русскоговорящих соотечественников за ее пределами.

С этого года начинается свое широкомасштабное действие принятая Российским правительством федеральная целевая Программа «Русский язык (2006-2010 годы)», которая оценивается в качестве одной из приоритетных программ государственного развития России. Цель программы – создание условий для полноценной реализации функций русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального об-

любой окончивший школу житель Грузии не испытывал никакого языкового дискомфорта при общении с выходцем из Казахстана, Молдавии, Латвии или Туркмении.

Эта неутешительная картина, казалось бы, дает мало оснований, чтобы и сегодня признавать право русского на его прежнюю роль языка международного. И тем не менее, ведущие организации мирового сообщества именно сейчас как никогда не только признают, но и подчеркивают ценность русского языка в качестве инструмента международной коммуникации в эпоху глобализации, стремительно расширяющихся информационных, политических, экономических, культурных взаимосвязей народов и стран современного мира.

Правомерность такой оценки русского языка становится очевидной, если мы обратимся к самому понятию «международный язык». Как известно, международные языки – это своеобразные аккумуляторы общечеловеческой информации, научных, технических и духовных ценностей. Установлено, например, что знание русского или английского языка открывает доступ к 75-80 процентам всей существующей в мире информации.

Уже в начале XX века, отмеченного интенсивным ростом международных контактов, человечество, говорящее на неисчислимом множестве языков, встало перед проблемой поиска «всеобщего переводчика» - мирового или международного языка. В 1945 году Организация Объединенных Наций объявила при своем создании пять официальных (рабочих) международных языков: английский, русский, французский, испанский и китайский. В 1973 году ООН признала своим шестым официальным языком арабский. На этих языках сегодня выходят и изучаются практически все официальные документы, прессы, бюллетени, специальные журналы ООН, а также ЮНЕСКО, МАГАТЭ, ЮНИСЕФ и др.

Предпочтение того или иного языка в качестве международного было связано с престижем языка, глобальностью его распространения на земле, выходе далеко за пределы исконной территории бытования. Учитывая авторитет и международное положение стран и народов-носителей языка, а также уровень и осознаваемая значимость накопленных ими материальных и духовных ценностей, научных достижений. Русский язык полностью отвечает всем этим требованиям. Что касается глобальности его распространения, то сегодня для 288 миллионов человек русский язык является родным или вторым родным языком. Кроме того, по данным ООН, русским языком владеет в современном мире еще 215 миллионов человек. Таким образом, *в той или иной степени русским языком владеет свыше полумиллиарда жителей Земли.* И не удивительно, что русский язык включен в число языков, обслуживающих деятельность почти трети всех крупнейших международных неправительственных организаций, таких как Всемирная федерация профсоюзов, Международный комитет борьбы за Европейскую безопасность.

При определении престижа русского языка, мотивов его распространения и изучения, конечно же, немаловажен и фактор интереса во всем мире к русской культуре, которая всегда являлась общечеловеческой ценностью, богатейшим вкладом в европейскую и мировую культуру. Действительно, трудно представить себе сколько-нибудь образованного человека на любом континенте, которому бы ничего не говорили имена Л. Толстого, Достоевского, Чехова, Пастернака, Солженицына...

Новые времена расставляют и новые акценты. С образованием Европейского Союза, единого экономического пространства в Европе появились термины «рыночные

языки», «языки маркетинга». По современному определению, «рыночные языки» – это языки отдельных лиц или предприятий, совместно образующих данный конкретный рынок. Адаптация к языку торгового партнера сегодня является ключом к успеху не только европейского, но и мирового рынка. Значит, чем активнее используется язык партнера, тем активнее деловые контакты с данной конкретной страной. Зная язык партнера, его культуру, можно понять и его психологическую стратегию бизнеса, а следовательно, добиться успеха в торговых контактах. Русский язык сразу же и безусловно был отнесен к числу маркетинговых языков и стал активно применяться в сфере бизнеса. По данным исследований, проведенных в последние годы, западные фирмы (особенно немецкие) при контакте с российскими фирмами и нередко с фирмами стран постсоветского образования чаще применяют русский язык, чем английский. И связывается такое предпочтение с более качественными и успешными переговорами и бизнес-контактами партнеров, с так называемым «коммуникативным удобством» русского языка.

Расширение международного туристического бизнеса, ежегодно растущий приток туристов из России и стран СНГ, Балтии в Западную Европу, Америку, страны Ближнего Востока – все это способствовало повышению спроса на русский язык в сфере обслуживания. В любом международном отеле высокого класса обслуживающий персонал, наряду с другими иностранными языками, обязательно должен владеть русским. Те, кому доводилось путешествовать по городам Западной Европы, отмечают, что не раз встречали объявления в магазинах, отелях, ресторанах: «Здесь говорят по-русски» или «Требуется официант (продавец, администратор) со знанием русского языка». Коммуникативное удобство русского языка сегодня стало определяющим мотивом его изучения во всем мире.

В Грузии, несмотря на сложившиеся в последнее время обостренно-сложные политические отношения с Россией, также отмечается повышение интереса к изучению русского как языка бизнеса, маркетинга. В наше утилитарное время, когда изучение иностранного языка становится непременным условием для успешной профессиональной и личной карьеры, возможности русского языка в деловых кругах Грузии оцениваются достаточно реалистично. Развернув любую газету с объявлениями, можно убедиться, что число желающих изучить русский язык стабильно растет.

Не надо быть политологом, чтобы понять, что знание иностранного языка может быть полезным и для государства в целом. Внешняя торговля, экономическое развитие любого общества в наше время зависят от того, насколько его граждане владеют международными языками. Отсюда – зависимость экономического развития страны от ее языковой политики.

ВИКТОРИЯ ПОПОВА

ГРИБОЕДОВСКИЙ ПОДРОС НА ДВА ЭТАЖА

Третье января, но в Грибоедовском никто и не думает отдыхать. Здание театра будто заковано в ярко-голубую броню лесов. Пыль, шум, крики рабочих, тараторящий отбойный молоток и высокомерно-спокойный строительный кран. С весны прошлого года подойти к служебному ходу было не просто сложно, но порой и небезопасно. Впрочем переполох и временные неудобства того стоят. Строители-ремонтники и сотрудники театра друг к другу привыкли. И научились «не очень друг другу мешать».

С крыши театра открывается замечательный вид на город. Внизу плывет проспект Руставели, справа возвышается памятник Св. Георгия, а позади громоздится здание Госканцелярии.

«Такая масштабная реконструкция была бы невозможна без помощи «Карту групп». Мы им очень благодарны за все», – говорит директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова Н.Н.Свентицкий.

Масштабы строительного-реконструкционных работ действительно поражают. Мой экскурсовод по «перестройке» - производитель работ Мераб Иванашвили.

Начинаем обход сверху. Надо сказать, что в ходе реконструкции надстроено два этажа. Сейчас этажей восемь, два подземных и шесть наземных. Сдача седьмого и восьмого этажей намечена на май. На восьмом разместятся кабинеты художественного руководителя и директора театра. Построен большой репетиционный зал, который может быть использован и как конференц-зал. Также здесь будут гостиничные номера и офисные помещения Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб». На седьмом расположатся

Мераб Иванашвили

основные цеха. В бутафорском начался переезд, а швейный уже функционирует. Почти готовы костюмерный и сапожный цеха, звукозаписывающая студия.

Лифты пока не установлены, поэтому спускаемся по временным деревянным лестницам. Правда, скоро ожидается монтаж трех французских лифтов.

- Сколько человек занято на строительстве? – спрашиваю.

- Всего около 250 человек.

- А сколько длится рабочий день?

- Работы ведутся с восьми утра до восьми вечера. Сейчас работают две смены, но с апреля, когда потеплеет, будем работать как обычно, в трехсменном режиме.

Этажи с шестого по четвертый разительно отличаются от предыдущих. Они уже сданы. Сюда постепенно переселяются администрация, литературная часть, бухгалтерия и гримерные.

- Наверняка, у вас имеются передовики производства.

- Разумеется. И их немало. Самое главное, что все работают с большой душой. От главного инженера Давида Варсимашвили до монтажника Нико Арабашвили. Отметить можно многих: это и мастер Георгий Гогилашвили, второй мастер Гурам Кобиашвили, производи-

Лери Медзмаришвили

Лора Верницкая

тель облицовочных работ Лаша Вашадзе, производитель электроработ Николоз Модебадзе, производитель работ по сантехнике Нугзар Мегрелишвили, производитель отопительно-вентиляционных работ Мамука Катамадзе, сварщик Давид Пиралишвили, штукатурщик Георгий Дзагамия, малярная бригада - Лаша Мумладзе, Автандил Нозадзе, Александр Китишвили, Заал Бухрашвили.

Ремонтные работы проводит «АТУ» - благотворительная ассоциация, занимающаяся проектами «Карту-групп». Грибоедовский - наш пятый проект после реконструкции Государственного академического драматического театра им. Котэ Марджанишвили, Театра юного зрителя им. Н.Думбадзе, Театра киноактера им. М.Туманишвили и Грузинского государственного академического драматического театра им. Ш. Руставели.

Идем дальше. На третьем этаже останавливаемся. Здесь уже почти готов Малый зал. К апрелю он начнет принимать зрителей. Монтажные работы малой сцены проводит группа Лоры Верницкой. Здесь вестибюль и вход в театр.

- Что находится на подземных этажах?

- Большой холл, вход на большую сцену, столярный и кузнечный цеха, склады.

- А когда завершится ремонт?

- О, это самый сложный для строителей вопрос. Дело в том, что мы постоянно сталкиваемся с непредвиденными обстоятельствами, а вслед за ними и с непредвиденными работами. Если, к примеру, на какой-то участок выделен один день, то работы могут затянуться и на месяц, в зависимости от того, с чем нам придется столкнуться. По плану мы должны сдать театр к открытию сезона 2007-2008 года.

Рассказывает главный архитектор Лери Медзмаришвили:

- Капитальный ремонт-реконструкция театра начался в начале марта 2006 года. Подобного грандиозного ремонта в театре не проводилось со дня его строительства. Большинство работ проводится на «невидимом фронте». Полностью меняется электропроводка. Не до конца решен вопрос отопления, но театр обязательно будет иметь собственную котельную.

Полностью реконструируется Большой зал, переоборудуется сцена, техническое оснащение. Зал преобразится - мы поменяем все, от кресел до потолка. Наряду с Большим залом ремонтируется и фойе. Можно сказать, что театр переживает второе рождение.

НИНО ЦИТЛАНДЗЕ

«ТЕАТР – ЯВЛЕНИЕ БОЖЕСКОЕ»

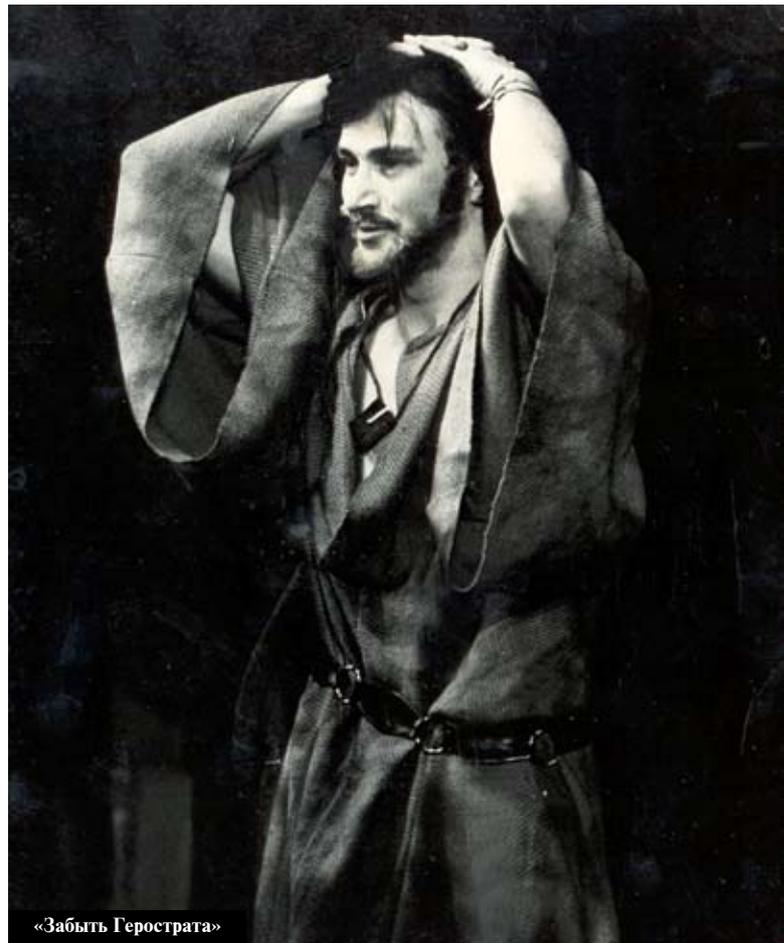
«Хорошо помню, как на сцене театра имени Грибоедова появился в роли Герострата совсем еще молодой, симпатичный, стройный Валерий Харютченко, как он покорила Тбилиси 70-х, избалованный талантливыми артистами и прекрасными спектаклями... Каждый очередной спектакль с его участием мы ожидали с нетерпением и искали любую возможность, чтобы попасть в театр. Прошли годы, но мы до сих пор помним лучшие работы Харютченко тех лет», - писала Л. Очиаури в газете «Резонанси».

Да, прошло действительно немало лет. Сколько сыграно, осмыслено, прочувствовано! Сегодня Валерий Харютченко, кавалер грузинского Ордена Чести и российского Ордена Дружбы, которому подвластны как тонкая психологическая нюансировка, так и острый рисунок роли, полон творческой энергии, идей, замыслов.

- Валерий, как вы считаете, ваша творческая судьба - это цепь случайностей или закономерностей?

- Существует выражение: его величество случай. Порой он может коренным образом изменить судьбу человека. Будучи учеником 9-го класса, случайно или закономерно, я увидел объявление о наборе в драматическую студию Дворца культуры. С той поры, с этого случая, жизнь моя связана с театром. Пиком моей «карьеры» в школьные годы стала роль Тома Сойера... А после окончания школы была поездка в Москву с желанием поступить в театральную вуз. Но я опоздал на приемные туры. Однако осуществлялся набор в филиал ГИТИСа - в Дальневосточный институт искусств. На вступительных экзаменах я читал «Маленького принца» Сент-Экзюпери и «Годы молодые забубенной славы» Есенина, и меня приняли.

Так, случай привел меня во Владивосток, край Восходящего Солнца - на мою родину: ведь я родился на острове Шумшу Курильской гряды, на котором мой отец командовал артиллерийским гарнизоном... С Курил его перевели в Москву, а потом - в Вышний Волочок - там, в детском театре, я получил первые театральные впечатления. На сцене солдат пытался сварить суп из топора, а злая бабка... пекла блины на лысине деда. Тесто стекало по щекам несчастного старика, в злобе старуха топала ногами и проклинала его: «Чтоб ты провалился в тартарары!» К моему ужасу, сцена раздвинулась, отту-

«Забить Герострата»

да вырвалось пламя, повалил дым, и дед действительно куда-то провалился.

Владивосток - фантастический по красоте город, который находится на берегу бухты Золотой Рог. Меня поразили его яркие, насыщенные краски. Бирюзовая гладь воды в зависимости от часто меняющейся погоды становится то свинцового, то небесного цвета... А на сопках - белые полунесбоскребики. Удивительный край! То же можно сказать о людях...

- Как написал в своем предисловии к вашему сборнику стихов известный грузинский поэт Михаил Квливидзе, «это край непуганых птиц и людей».

- Во Владивостоке нам преподавали яркие личности - диссидентствующие педагоги, изгнанные из Москвы и Питера, и процесс обучения был чрезвычайно полезным и интересным. Моим старшим товарищем был ныне известный актер Александр Михайлов - чистый, красивый человек. Спустя много лет мы встретились вновь в Москве, а было ощущение, что расстались вчера.

Первую творческую радость я испытал после показа одного психологического этюда. Посмотрев его, педагог по актерскому мастерству Лариса Курбаткина спросила, не зазнаюсь ли я, если меня похвалят. Поскольку я был очень застенчивый юноша, то покраснел и, подумав, ответил, что нет, не зазнаюсь. Тогда Курбаткина сказала: «Если бы у меня был свой театр, я бы тебя пригласила!» Это меня окрылило.

Однажды отец позвонил мне и сказал: «Твое желание учиться в Щукинке может осуществиться: в Москве

тебя ожидает мой давнишний товарищ Туманов, соратник Рубена Симонова, ректора театрального училища имени Щукина». Однако к сроку я не поспел: долго провозжали дальневосточные друзья... Не дождавшись меня, Туманов уехал на дачу к Рубену Симонову и оставил записку, в которой мне предлагалось отправиться туда же. Но во мне заговорило самолюбие: я должен сам, без протекции решить свои проблемы. В раздумьях я зашел в кафе напротив театра имени Вахтангова, взял бокал вина и закурил японскую сигарету «Hilight». Тут я обратил внимание на ребят за соседним столиком и догадался, что это были студенты из Щукинки. Состоялось знакомство, я поведал им свою историю. Она произвела впечатление, и больше меня никуда не отпустили. Моими новыми друзьями оказались лидеры Щукинки Боря Галкин, Ленья Филатов и Володя Качан. Я попал в удивительную атмосферу творчества, в водоворот встреч, событий... Время пролетело незаметно, мои намерения, связанные с переходом в Щукинку, не осуществились, и я вынужден был вернуться во Владивосток. А через год все-таки перевелся в московское училище имени Щепкина.

Руководителем курса был Николай Александрович Анненков, у которого в свое время учились Олег Даль и Инна Чурикова... По окончании училища у меня появился шанс попасть в театр на Малой Бронной, к Анатолию Эфросу. Но внезапно от обширного инфаркта в Луганске умирает мой отец. Я не мог оставить мать...

Юра Васильев, мой товарищ по Щепкинс-

кому училищу, который вместе с другими талантливыми ребятами из Москвы уже год как работал в тбилисском театре имени Грибоедова, предложил мне приехать в Тбилиси, где свой очередной спектакль собирался ставить Петр Наумович Фоменко. Так я оказался в театре имени Грибоедова, которым в ту пору руководил Гига Лорткипанидзе.

- Ваша актерская карьера связана с Тбилиси, с театром Грибоедова. Не считаете ли вы, что в России у вас, русского актера, могло быть больше возможностей?

- Мне было бы грех жаловаться на свою судьбу. Хотя сначала все для меня складывалось драматично. В течение нескольких лет я получал незначительные роли, и мною овладевало отчаяние. Но с приходом Сандро Товстоногова ситуация резко изменилась. Первой нашей совместной работой была роль Букина в спектакле «Прощание в июне» Вампилова. Об этой моей роли Товстоногов сказал, что она сыграна интереснее, чем в его московской постановке на сцене театра имени Станиславского. Эта оценка явилась психологической поддержкой, вселила в меня веру в свои силы.

Потом был «Старший сын» Вампилова. Вначале я репетировал роль Васеньки, брата героини. Мне нравился

образ этого юного трогательного человечка. Но внезапно серьезно заболел исполнитель центральной роли Бусыгина Леонид Пярн, и Александр Товстоногов предложил мне вестись на эту роль. Времени было катастрофически мало - до премьеры оставалось всего лишь две недели. Для меня, неопытного актера, это стало большим испытанием. Но, слава Богу, все закончилось благополучно. Был успех, и у меня даже появились первые

поклонницы! Надо сказать, что с приходом Сандро Товстоногова жизнь в театре стала творчески насыщенной, интересной. Премьеры выходили одна за другой. Что-то было более ярким, что-то менее, но главное - мы все участвовали в живом процессе творческого поиска.

Сандро давал каждому возможность проявить себя. Актеры блистали в таких театральных хитах, как «Три мушкетера» Дюма, «Точка зрения», «Энергичные люди» Шукшина, «Райские яблочки» Котетишвили, «Молодая гвардия» Фадеева, «Жестокие игры» Арбузова... Вспоминаю одну историю, связанную с «Жестокими играми». У меня была роль Никиты, а роль моей

«Мне скучно, бес... чур, чур меня»

С братом Александром

возлюбленной играла супруга Сандро, великолепная актриса Светлана Головина. Однажды мы репетировали любовную сцену. Я обнимаю ее, намереваюсь поцеловать, и вдруг в зале раздается пронзительный крик: «Не смей трогать мою маму!» На репетиции присутствовал четырехлетний сын Светланы Егор. «Сыночек, успокойся! Это же сцена, театр! И Валерий целует меня по роли», - успокаивала его Света. «Нельзя! - твердо стоял на своем Егор. - Если он еще раз это сделает, я скажу папе, и он ему покажет!» На всякий случай мы стали репетировать другую сцену.

- Особенно полюбились зрителям ваша роль Герострата в одноименном спектакле.

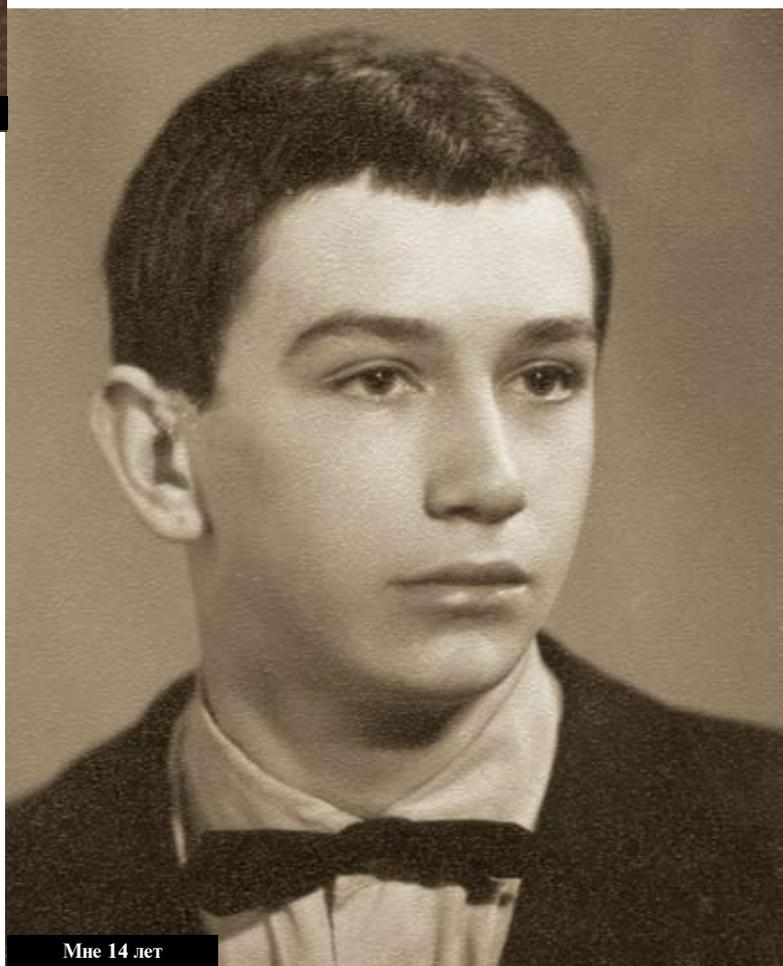
- «О Герострат, чудовищный злодей! Как же любил тебя я! Играя, однажды пронзил клинком себя я!» (смеется). «Герострата» мы сыграли около 250 раз. Бывали довольно забавные случаи. На одном спектакле в сцене поединка с Креоном я случайно поранил себя кинжалом, проткнув им ногу. И даже не заметил этого. А во время поклона почувствовал, что в сапоге что-то хлопает, и я оставляю за собой кровавый след. Эта история могла закончиться ампутацией конечности. Когда меня привезли в больницу, молодой врач, обработав рану, зашил ее, чего нельзя было делать... На следующий день у меня опять был спектакль. Как известно, сцена лечит - во время действия ты не чувствуешь боли. А после нога опухла, стала дергать, темнеть, поднялась температура. Пришлось снова ехать к хирургу, который вспорол рану - иначе был бы сепсис.

Еще одна история. Того же «Герострата» мы играли в Цалке, где проходил международный симпозиум философов, посвященный Аристотелю. Спектакль философам понравился. Во время застолья, подвыпив, они наградили меня титулом почетного грека.

Последняя постановка Александра Товстоногова на сцене нашего театра - «Сон в летнюю ночь» Шекспира. Мы с успехом играли этот и другие спектакли на гастролях в Петербурге, на знаменитых подмостках БДТ. Мы любили Сандро. К огромному сожалению, он уехал от нас и в дальнейшем судьба его сложилась трагически.

- А вы не пытались продолжить карьеру в Москве?

- После отъезда Товстоногова я намеревался перебраться в Москву. Мной заинтересовались в одном из столичных театров. Однако внезапно возникла необходимость показа в общем потоке. Потом меня просили немного повременить - решался вопрос с новым главным. В общем, ситуация угнетала. Но однажды я повстречался с Леонидом Филатовым, рассказал ему свою историю, и он предложил мне показаться Юрию Любимову, на Таганку, с перспективой ввода на роли самого Филатова. Леня много снимался, и Любимову это не очень нравилось. А типажно

Мне 14 лет

я вполне подходил на Ленин репертуар. Показывался я все тем же Геростратом. Вообще на этих процедурах испытываешь жуткое волнение. Представьте себе. Перед тобой гарцуют молодые, фактурные, горлающие песни Высоцкого, монологи Пугачева и Хлопуши, сотрясающие небосвод щукинским талантом. А ты трясешься интеллигентской дрожью в каком-то дальнем углу. Но тут выкрикивают твою фамилию: «Харютченко!» Надо идти, но ноги твои словно налиты свинцом, прибиты к полу. А идти-то надо. И вдруг меня осеняет: я решаю проявить тактическую хитрость. Я к ним не выйду - я к ним выползу. И пусть ассистенты в пятый раз выкрикивают мою фамилию. «Куда к черту он провалился?» А я, совершенно успокоенный, лежу у основания черного

Малантливый создателям и
дорогим читателям журнала
"Русский клуб" от всей души
желаю в новом году осуществления
надежд, благополучия и счастья!

В. Кар

задника и в щелочку наблюдаю за лицами приемной комиссии. В небольшом просмотровом зале, на амфитеатром расположенных стульях восседают человек десять, а в центре сам мэтр Любимов. Я разглядываю лица популярных артистов – Славиной, Золотухина, Демидовой, Хмельницкого. И у всех на устах – моя фамилия: Харютченко. А Леня Филатов, переживая за меня, ждал результатов за дверью. «Тихо, не мешайте артисту!» - вдруг произнес Юрий Петрович. Он сразу заметил меня и включился в предложенную мной игру. А я словно уж выполз на сцену, демонстрируя всю возможную и невозможную пластичность, и обрушил на них мощь получасового монолога загнанного в угол Герострата. Таганка была взята! На следующий день Леня Филатов привел меня в кабинет Юрия Петровича, где состоялась теплая беседа. Мне было предложено в сентябре связаться с завтруппой. К этому времени Таганка должна была вернуться с парижских гастролей. Юрий Петрович сказал, что собирается проводить реорганизацию труппы, и я как актер могу им подойти. Но этому не дано было осуществиться. Вмешался роковой случай. Осенью 1980 года скончался Владимир Высоцкий. Любимов впал в жуткую депрессию, а вскоре и вовсе уехал за границу.

Была еще одна возможность переезда – в Ленинград, в театр имени Комиссаржевской. Но Гайоз Жордания, пришедший к нам после Сандро, увлек меня творческой перспективой. Одним словом, я остался. Начался новый этап моей творческой жизни. С Гайозом Вуколовичем всегда было интересно работать. Он оказался человеком чутким, с прекрасным чувством юмора. С любовью вспоминаю спектакли, которые были поставлены при Гизо – «Сорок первый» Лавренива, где я играл Говоруху-Отрока, «Сестры» и «Дорогая Елена Сергеевна» Разумовской, «Час пик» Ставинского, «Улица Шолом-Алейхема, 40» Ставицкого - спектакль, которым на гастролях мы буквально поставили на уши всю Одессу. Приступая к постановке спектакля «Человек, который платит» Ив Жамиака, Жордания распределил по два актера почти на каждую роль. В процессе репетиций у нас возникли разногласия с более старшими коллегами, наша группа откололась, и мы сами осуществили постановку. Правда, это стоило мне внутричерепного давления. Более двухсот раз мы сыграли «Ловушку» Тома, в которой у меня была роль Корбана.

- Помню, что ваш герой вызывал абсолютное доверие зрителей, а в финале оказывался убийцей. Это было полной неожиданностью!

- А вообще на сцене довольно часто убивали моих героев – это было по крайней мере в пяти спектаклях... Удивительная вещь – сцена. Как точно сказал Пастернак: «Гул затих. Я вышел на подмостки. Прислонясь к дверному косяку, я ловлю в далеком отголоске, что случится на моем веку...» И всякий раз, выходя на подмостки, ты должен оставаться живым, даже когда тебя убивают. Ведь сцена – это место рождения, рождения твоей роли, спектакля. Рождения живой реакции зрительного зала. И когда она возникает, эта живая реакция, эта взаимосвязь, ты чувствуешь себя счастливым. Вообще здание театра – это некое тело, а спектакль – это душа театра. И душа многострадальная, жаждущая понимания и любви. Так что театр – явление божеское.

- Обычно на вопрос о любимых ролях актеры отвечают: «любимые – все роли».

- Да, это так, однако среди них все же есть особые любимцы. Но если тебя хвалят за какую-то определенную роль, то становится обидно за другие. Привет, мои старые друзья! Простите, если я вам чего-то недодал, что-то недодумал.

- Кому это вы?

- Как кому? Чацкому, Жадову, Гаеву, ибсеновскому доктору Штокману, Тартюфу, Каренину... Они всегда со мной.

- А какие роли так и остались несыгранными?

- Когда-то в молодости, увидев фильм Сергея Параджанова «Тени забытых предков», я пришел в восторг и подумал: какое счастье, если бы такой человек был моим учителем. И вот спустя много лет, уже в Тбилиси, меня познакомили с Сергеем Иосифовичем, и я имел удовольствие общаться с ним. Однажды я решился ис-

поведаться ему по поводу собственных режиссерских поисков. Я говорил с ним о Достоевском, Шекспире, Кобо Абэ, Гоголе, Олби. Выслушав меня, Параджанов одобрительно отнесся к моим идеям и даже заметил, что я тоже шаман. Я был неопишимо счастлив! Через некоторое время Сергей Иосифович сказал, что хотел бы поставить со мной «Гамлета», и попросил перегово-

ритель по этому поводу в министерстве культуры. Сам он, видимо, опасался услышать отказ. К великому сожалению, так и произошло. Чиновники побоялись взрывного творчества Параджанова... Однако я все-таки начал репетировать эту роль, но уже с другим режиссером – Георгием Георгиевичем Кавтарадзе, который в свое вре-

мя тоже успешно руководил нашим театром. Репетиционный процесс проходил довольно интересно, и я, как мне казалось, начал выходить на сакраментальное постижение образа Гамлета. Но за месяц моего отсутствия – я был на съемках фильма – что-то изменилось в планах Георгия Кавтарадзе, и репетиции были свернуты.

Не осуществилось еще одно желание – роль князя Мышкина.

- Но вы все-таки прикоснулись к творчеству Достоевского – в постановке Авто Варсимашвили «Кроткая».

- Я очень благодарен Авто за эту возможность. Как всегда, было много скептиков, не верящих в успех этой постановки. Ну кому в наше тяжкое время нужен Достоевский с его сложным, противоречивым миром? Но вот премьера. «На меня наставлен сумрак ночи тысячью биноклей на оси». Какая тишина! Они слушают... Каждый находит для себя в мире Достоевского свою тему... «Кроткую» мы с успехом показывали на трех международных фестивалях в Тбилиси, Ереване и Омске.

- Валерий, расскажите, пожалуйста, подробнее о вашем сотрудничестве с нынешним художественным руководителем театра Авто Варсимашвили, в спектаклях которого вы сыграли ряд интересных ролей.

- Как-то на репетиции Авто улыбнулся и сказал мне: «Странно, мне легко с вами работается, а некоторые говорят, что у вас невыносимый характер!» Я улыбнулся ему в ответ: «Мне тоже интересно и легко с вами работать!» Дело в том, что когда потолок режиссера ограничен, актер не может летать. И тогда может возникнуть бунт на корабле, а штурвал окажется в руках актера, который в состоянии генерировать идеи. Безусловно, для таких людей мой характер невыносим. С Авто возможно выходить в макрокосм... Я люблю свои роли в его спектаклях. Какая трагическая судьба изуродованных

человеческих сущностей в «Жизни с идиотом» Виктора Ерофеева из спектакля «Рашен блюз»! Я испытываю наслаждение во «Врагах» и обожаю своего влюбленного Караса из спектакля «Жизнь прекрасна!» по произведениям Чехова. И, наконец, Иешуа из «Мастера и Маргариты» Булгакова... Когда зрителям что-то не нравится, они уходят из зала. Четыре с половиной часа, в лютном холоде, публика, затаив дыхание, следила за происходящим на сцене. Магическое театральное действие состоялось.

- Как происходило рождение вашего Иешуа Га-Ноцри? Что и говорить, роль сложнейшая.

- Авто рассказал о своем видении Иешуа – он представлял его более человеком, без мистического пафоса. И это полностью сошлось с моим ощущением...

- Некогда вы показали тбилисцам свою постановку «Заплыв по реке забвения»...

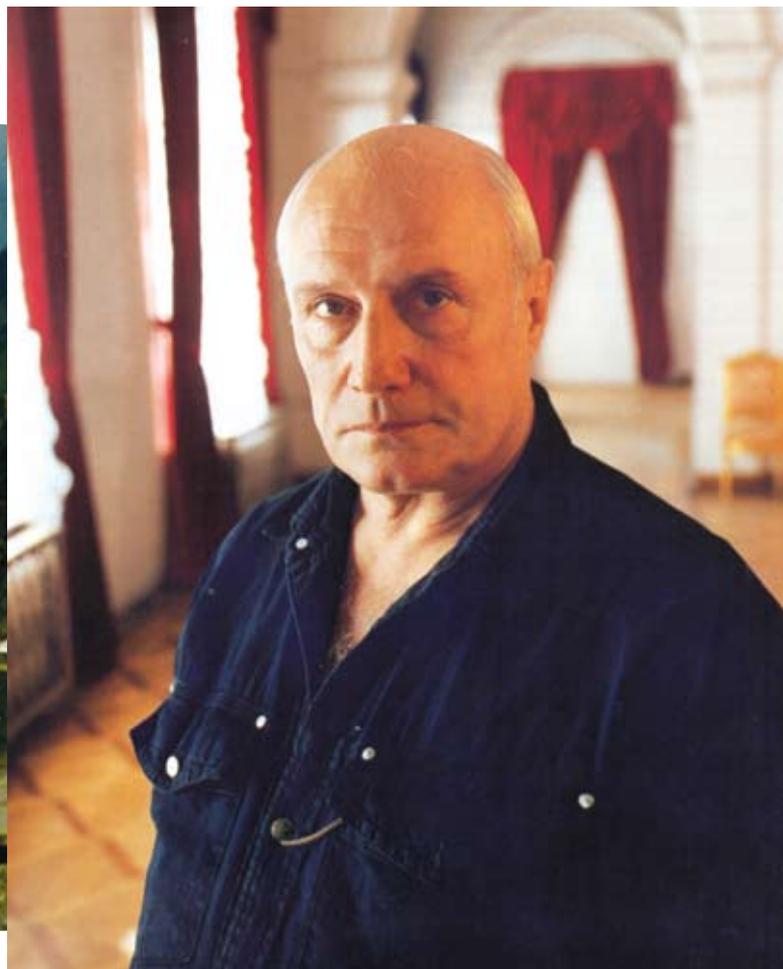
- Да, был в моей жизни такой опыт. Я написал пьесу по мотивам повести Рея Брэдбери «451⁰ по Фаренгейту». В этой экспериментальной постановке была попытка соединить некое формообразование с психологической основой. Был в ней и ряд актерских удач. Известный ныне режиссер, сценарист и продюсер Шурик Атанесян обещал свое содействие для представления спектакля на международном фестивале в американском штате Калифорния. Я даже продумывал письмо к автору повести Брэдбери, но война и известные события в Грузии перечеркнули эту затею. А вообще у меня есть ряд набросков, инсценировок, сценических идей, ждущих своего воплощения. Это инсценировка повести Кобо Абэ «Женщина в песках», эдакая сценическая фантазия – диффузия гоголевского «Вия» с «Сорочинской ярмаркой» и другими повестями «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголя, идеи воплощения «Случая в зоопарке» Олби, некоторых одноактных пьес Леонида Андреева, изумительной пьесы Иосифа Бродского «Мрамор». Я почти закончил сказку в стихах для детей под названием «Поле чудес».

Но кое-что из моих режиссерских замыслов удалось осуществить. Я поставил моноспектакль по «Маленьким трагедиям» Пушкина. Название этого монопсиходрамы – «Мне скучно, бес!.. Чур-чур меня!» Я играл его в школах, вузах Грузии. Показал спектакль в Доме-музее Сергея Параджанова в Ереване, Батуми, Звенигороде, Туле.

По заказу союза «Русский клуб» выступил автором и исполнителем поэтического спектакля «Честь тебе, Петербург чародейный!», в основе которого – поэзия Серебряного века. Осуществил постановки поэтических вечеров, посвященных памяти Бориса Пастернака и Николая Гумилева. Вот уже много лет мечтаю поставить спектакль по пьесе, написанной мной, – она называется «Мистическая ночь с Сергеем Есениным, или Жизнь после жизни»... О чем эта пьеса? Посмотрите вниз. Видите черный колодец? Он под каждым из нас, он бездонный, мы все балансируем на его краю. Один неверный шаг, и ты катишься кубарем в тартарары... Хочешь добрый совет? Ищи родину. Найдешь – пан! Не найдешь – все псу под хвост пойдет. Уж я-то знаю!

ЕВГЕНИЯ ПОЛТОРАЦКАЯ

«ГРУЗИНО
ЛЮБЛЮ
ДАВНО,
ГЛУБОКО И
НЕЖНО»

АЛЕКСАНДР ПОРОХОВЩИКОВ
актер, режиссер, сценарист

Начну с того, что по отцу я грузин (о чем свидетельствует мое отчество Шалвович), но в Грузии, к сожалению, никогда не жил. Побывать там мне довелось тогда, когда я работал в Театре на Таганке. Мы приехали на гастроли в ваш город после гастролей в Париже. Излишне говорить, что мы были переполнены впечатлениями, полученными во Франции. Но вы, наверное, представить себе не сможете, что со мной творилось, когда я впервые попал в Тбилиси. Я был потрясен мягкостью, теплотой, доброжелательностью ваших соотечественников, очарован самим городом, который по праву называли маленьким Парижем.

Что касается грузинской культуры то для характеристики ее уровня вполне достаточно двух слов – это высочайший класс!

Потрясением в кино было для меня «Покаяние». Такая вершина! Это был человеческий подвиг Тенгиза Абуладзе и всего его творческого коллектива.

Непосредственно я соприкоснулся с грузинской культурой, когда играл в театре Пушкина Бачану Рамишвили в спектакле по роману «Закон вечности» замечательного писателя, незабвенного Нодара Думбадзе. Истинное наслаждение было играть эту роль, ибо Бачана – живой, полнокровный, настоящий человек.

Говоря о Грузии, я не могу не вспомнить своего крестного – Василия Александровича Абесадзе, человека, прошедшего Великую Отечественную войну и бывшего

мне как отец родной. Помню, как мы обычно сидели на кухне, вели долгие беседы (как по-рыцарски говорил он о женщине, о красоте!), а когда он пел знаменитое лагидзевское «Тбилисо», слушать без слез его было невозможно. Все это осталось в памяти, как сказка.

Когда я вспоминаю Грузию, у меня на душе теплеет, а лицо как бы само собой озаряет улыбка. Как жаль, что улетели (куда?) те времена, когда мы искренне и бескорыстно любили друг друга, были нужны друг другу, когда наши культуры так плодотворно питали одна другую. Будем надеяться и верить, что эти времена вернуться!

МИХАИЛ УЛЬЯНОВ
народный артист СССР

Грузия для нас прежде всего страна своеобразной театральной культуры. Культуры, напитанной соками самобытной культуры и культуры мировой.

Грузинский театр неизменно вызывал удивление и восхищение. Но самое большое, самое сильное впечатление всегда производили люди. Не природа (хотя она сказочно прекрасна), не вино (хотя оно божественно), а именно люди. Широкие, гостеприимные, раскованные, эпикурейски веселые.

Естественно, что мы больше всего общались с людьми грузинского театра (а они, как правило, люди талантливые, это – жрецы, кудесники театра), а затем распространяли их качества на весь грузинский народ.

Что касается самых ярких впечатлений, то это Акакий Хорава – Отелло и «Кавказский меловой круг». Хо-

рава потрясал мощью и глубиной, а спектакль Роберта Стуруа удивлял и восхищал фантазией. Из спектаклей – событий последних лет – работы Темо Чхеидзе на сценах грузинских, российских и зарубежных театров.

РАИСА СТРУЧКОВА-ЛАПАУРИ
народная артистка СССР, профессор

Что вспоминается прежде всего? Самые первые в моей жизни гастроли, чародей и волшебник танца Вахтанг Чабукиани, звезда первой величины современно-го балета Нина Ананиашвили.

В гастрольную поездку Баку-Тбилиси-Ереван нас, молодых, только-только окончивших хореографическое училище – Александра Лапаури, Георгия Фарманянца и меня взяла Суламифь Мессерер (она включила нас в свою концертную программу). Эта поездка стала для меня незабываемой еще и потому, что именно тогда мы с Сашей Лапаури поженились. Время было трудное – 1945 год, свадьбы никакой не было, но в Тбилиси жила двоюродная бабка Саши и у нее в доме я впервые отведала сациви, чахохбили и другие национальные грузинские блюда; уразумела, что зелень, без которой не обходится ни один грузинский стол, нельзя называть травой. На всю жизнь запомнила маленького ослика, которого вел пожилой грузинский крестьянин, протяжно выкрикивающий: «Ма-цо-ни!» Там же впервые услышала дивное грузинское пение, которое обожаю, воспринимаю внутренним чувством и которое рождает во мне колоссальное количество эмоций, и радостных, и грустных.

Вахтанга Михайловича Чабукиани мы боготво-

рили еще в школе. Когда он приезжал в Москву, мы всеми правдами и неправдами проникали на все его спектакли. Это было подлинное, высокое, Богом данное искусство. В нем сочетался высокий артистизм и блестящая техника. Его выступления всегда были событием. Сколько раз мы пытались «подглядеть», как он готовится к какому-нибудь очень сложному движению, но все было настолько органично, что мы видели лишь результат (например, как он летит), а как и чем это достигалось, мы не в состоянии были уловить. Для меня было великим счастьем, когда Вахтанг Михайлович предложил мне станцевать с ним в «Жизели» на его юбилейном вечере (я тогда была уже солисткой Большого театра). А какая его характеризовала отдала во время урока, репетиции; о спектаклях я уж и не говорю! Какая собранность, серьезность. Он считал, что должен быть предельно честным по отношению к своему искусству. Какое счастье, что рождаются такие люди. Они скрашивают жизнь, поддерживают и спасают людей в самую страшную годину. И как безмерно тяжело, когда они уходят.

Я бесконечно рада, что ко мне при вступлении в труппу Большого театра пришла интеллигентная, благородная, очень женственная, одаренная Нина Ананиашвили. Это великий дар для меня. Нина удивительно талантливый человек. И к тому же человек очень хороший. Работать с ней было огромной радостью. Находились люди, которые упрекали Нину в том, что она больше выступала за рубежом, чем на родной сцене. Но нельзя забывать о том, что наше искусство – искусство молодости, и, понятно, что Нина стремилась работать с разными балетмейстерами, танцевать на разных сценах, с разными партнерами. Ведь это необходимо для творческого роста и для того, чтобы «держать форму». И к тому же, ведь каждый ее успех, это – успех наших балетных школ.

Беседовала **ДОНАРА КАНДЕЛАКИ**

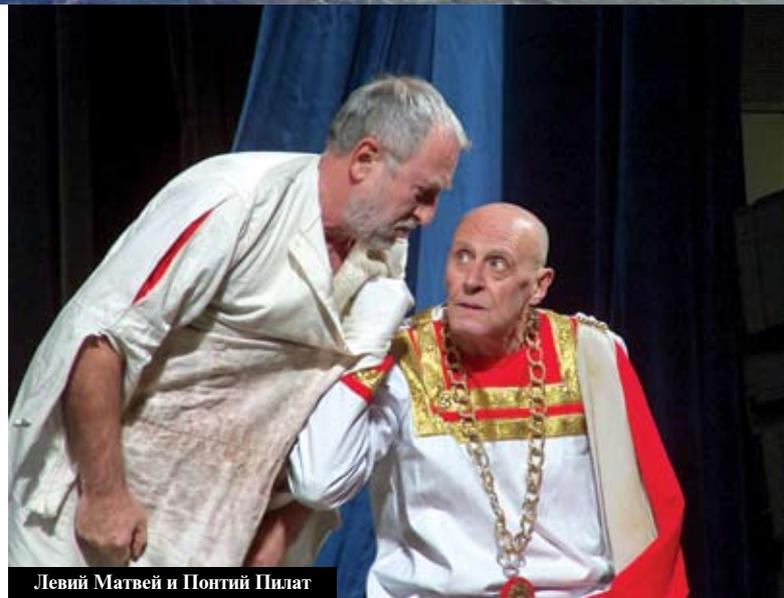

ЭТО ТЕБЕ ПОМЕРЕЩИЛОСЬ

Герои романа Булгакова «Мастер и Маргарита», окутанного суевериями, вдруг объявились в Тбилиси и реализовались на сцене русского театра им. Грибоедова. Разумеется, вместе с Воландом и его свитой. Появление Воланда в Грузии в конце 2006 года, может, что-то и предвещает новому году Огненного Кабана, но что именно, неизвестно. Пока запаха серы не ощущается.

Но для зрителей сюрпризы посыпались сразу же. Премьера была показана на грибоедовской сцене всего два раза. Правда, торжественно, при полном зале, где в течение четырех часов зрители, кутаясь в пальто и шапки, в неотопляемом помещении мужественно окунались в атмосферу искусства. И сразу же после премьеры большой зал театра стал на капитальный ремонт, а вместе с ним остановлены и все спектакли. Но не «Мастер и Маргарита». Воланд со свитой благополучно приземлился неподалеку, в театре им. Руставели, со сцены которого вдруг зазвучала русская речь. Странные перемещения спектакля – это, без сомнения, проделки Воланда.

Казалось бы, на чужой сцене играть еще не устоявший спектакль намного труднее. Но эффект от показа оказался даже сильнее, чем на родной сцене. Спектакль был отмечен явным зрительским интересом, даже несколько неожиданным. В огромном зале руставелевского театра не было свободных мест, а среди публики можно было

Левий Матвей и Понтий Пилат

видеть известные лица, в том числе и артистов-руставлевцев. Что вообще-то не удивительно, ведь постановщик «Мастера» Авто Варсимашвили начинал свою режиссерскую карьеру в этом театре, под крылом Роберта Стуруа. Его «Тит Андроник» тогда наделал много шума. И вот

Мессир Воланд и его свита

спустя почти 20 лет Варсимашвили явился на грузинскую сцену как худрук русского театра с самой масштабной и значительной постановкой этого театра последних лет.

В постановочном плане это зрелищный, неожиданный, эффектный спектакль. Здесь слияние театра с элементами шоу: мгновенно сменяющиеся мизансцены, четкий темпоритм, музыкальные акценты, визуальный ряд в сценах «чертовщины» с экспрессивной пластикой ведьм.

Одна из самых больших удач спектакля – сценография художника Мириана Швелидзе, монументальная, многозначная и в то же время чрезвычайно мобильная. Во всю сцену ободранный фасад двухэтажного жилого дома с облупившимися балконами, окнами и дверями, и с подпорками, чтоб не обвалилась стена. Ну, очень узнаваемый для тбилисцев вид, будто перенесенный с улочки старого района города. Это фон для сцен реальной жизни. Но вдруг разворот на 180 градусов, и перед нами мрачная каменная громада с узкими щелями окон и свисающими с них цепями – покои римского прокуратора Понтия Пилата, они же пристанище для знаменитого бесовского бала Воланда. Есть еще и третий вариант разворота декорации – торцом к залу, тогда возникает таинственный длинный коридор из металлических переплетений, ведущий в неизвестность – «коридор тысячелетий», увенчанный балконом. Все эти преобразования достигаются еще и светом, который создает нужный эффект.

Самые яркие, буквально завораживающие, это сцены бесовского шабаша, превращение Маргариты в ведьму и ее полет. Он поставлен блестяще: светящаяся в полночной тьме Маргарита парит над крышей, фасад дома начинает на наших глазах разворачиваться и уплывать, громада строений, перебиваемая светом, вращается все быстрее, вихрится снежная метель, пронизанная синими лучами, и в этой синей бездне летит распластанное тело Маргариты. Толпа людей на сцене, захлестнутая этим видением, с задранными головами мечется вниз, невольно втягивая нас в этот грохочущий круговорот... Постановочно хорошо поданы выступление в варьете, где мессир со свитой

представлены во всей своей красе, бал Воланда с выезжающими гробами, из которых восстают приглашенные на бал персоны (кстати, гробы движутся точно так же, как выезжал трамвай, обезглавивший Берлиоза).

Сложную структуру романа полностью перенести на сцену, разумеется, невозможно. Поэтому постановщик, он же автор сценария Авто Варсимашвили, обозначил свой вариант как «эпизоды великого романа». Сюжетная канва в постановке сохранена: здесь и «евангелие от Булгакова» и фантастические события на Патриарших прудах, и любовная линия героев, и козни мессира Воланда.

Предлагать свое видение «Мастера и Маргариты» после стольких сценических и киноверсий – рискованное предприятие и для режиссера, и для театра. Вслед за Булгаковым, с его острым и насмешливым взглядом, постановщик решил разворошить «груды человеческого

Мастер и Маргарита

шлака», выражаясь языком Блока. Как видно, «шлака» за две тысячи лет не убавилось, будь то предательство Иуды или «осетрина второй свежести». И слова о трусости относятся не только к Пилату, они вне времени. Психология людей не изменилась, хотя сегодня крестьящихся на улице стало значительно больше. При этом, как ни странно, Князь Тьмы стал казаться более привычным, вездесущим. Наверное, Воланду в нашей повседневности, куда он ненадолго залетел, не хватает мощных человеческих личностей, таких, как булгаковский Мастер. Что делать, под натиском искушений мельчает и народ, и его духовная элита.

Это сегодняшнее положение вещей, как мне кажется, и перенес постановщик на сцену. Приземленность героев Булгакова – режиссерская заданность. Ни перед кем пиетета зритель не испытывает. Мастер в исполнении А. Кублашвили тоже вполне сегодняшний типаж. Совсем не тот, который описан в романе – «бритый, темноволосый, с острым носом, встревоженными глазами и со свешивающимся на лоб клоком волос» – и каким его играли на сцене предшественники. У грибоедовцев вы не увидите «пугово озирającegoся обросшего бородой человека

примерно тридцати восьми лет», которого встретил поэт Иван Бездомный в психушке. Вместо него молодой красавец, статный и сильный, даже несколько агрессивный. Ему ничего не стоит швырнуть на пол Ивана Бездомного, доказывая, кто он такой. А его белая одежда с накинутым пальто, в которой он пребывает в дурдоме, правда, слегка стилизованная, смотрится как модный прикид дизайнера. А почему бы и нет? Актер органичен и естествен в такой подаче героя.

Текста в спектакле Мастеру оставлено немного, и его философским глубинам остается лишь верить, судя по тому, что мессир Воланд считает его равным себе и ради него задержался среди смертных.

Под стать Мастеру и Маргарита (Н.Калатоцишвили) – озорная девчонка, модно одетая, стройная и гибкая, как тростинка. Она очень привлекательна и необычайно пластична. Безграничная любовь героев не чужда эротике, Маргарита легко прыгает на руки любовника, обхватывая его своими стройными ногами. Этой Маргарите с имиджем травести явно не хватает женской зрелости, глубины личности, изысканности, аристократизма булгаковской героини. Но молодость, как известно, тот недостаток, который быстро проходит. А именно он, вероятно, был нужнее всего для постановочных трюков в этом спектакле. И режиссер пригласил актрису со стороны, несмотря на то, что ее сценический опыт не богат. В «чертовских» сценах, затянута в эластик телесного цвета и ничем не прикрытая, она демонстрирует почти акробатическую пластику. Момент превращения в ведьму на высоком балконе подан режиссером как отдельный пантомимический номер, озвученный актрисой шутовским голосом. Она может по отвесной стене перелезть из окна на балкон, на балу Воланда стоять на узкой дощечке на высоченных качелях и изображать при этом, будто она теряет силы и вот-вот упадет с высоты. Исполнительница хороша там, где нет текста, где не надо отыгрывать паузы и нюансы взаимоотношений. Но для образа Маргариты «ведьминых штук» явно недостаточно. Актриса не чувствует слово и интонацию. Когда идет сложный текст, его даже трудно понимать, чисто актерски она не может донести смысл произносимых ею фраз. И дело здесь не в сильном акценте, а в профессионализме, который, вероятно, можно и наработать (неплохо бы с режиссером-педагогом). Интересно было бы потом посмотреть на результаты.

В принципе, такими вполне могут быть сегодня герои Булгакова. Какая жизнь – такой и театр. Что касается акцента, то он уже прижился на русской сцене, ведь труппа состоит на восемьдесят процентов из грузин, в основном это новое поколение артистов. Им есть чему поучиться у старших, владеющих актерским мастерством. Пожалуй, тон спектаклю, как и планку мастерства в первой же сцене на Патриарших прудах задает М. Амбросов в роли Берлиоза. Оттенки эмоций, жесты, взгляды, интонации и паузы – у него работает все. Берлиоз здесь – не тот напыщенный самовлюбленный индюк, каким его обычно изображают, а образованный, мыслящий человек, но стиснутый страхом и ограниченный рамками своего времени, где есть доносы и НКВД. Быть может, он заблуждается в своих убеждениях, но он им верен, и его спор с иностранным незнакомцем логичен и аргументирован. Поэт Иван Бездомный (В. Курасбедиани) рядом с таким Берлиозом – какой-то недотепа. Длинный тощий парень

в кепочке из дремучего простонародья идет вразвалочку, руки в брюки, и в голове пустота. И это ему Мастер передаст писательскую эстафету? Единственное оправдание тому, что Иван – тот самый «нищий духом», которого ожидает Царствие Небесное.

Мессир с бесовской шайкой подручных вытворяют на сцене свои затеи и чудеса, хулиганят, издеваются, воз-

Судилище

величивают вечное и не упускают случая подколоть самоуверенных балбесов и умников. Они мало похожи на демоническую свору. Лишь временами являются людям как галлюцинации из преисподней: световые блики из люка и пластические выверты героев. А в обычное время они выглядят вполне rispetабельно. Например, Азazelло (А. Бараташвили) не пугает торчащим клыком (у него его просто нет), напротив, он вальяжен и представительен в своем щегольском костюме денди и уверен в своей неотразимости. Совсем иной, но тоже вполне современный Коровьев (Д. Мерабишвили) – подвижный, subtilный очкарик с шутовскими замашками, который особенно хорош как ведущий в сцене варьете, где выдает то ломаный немецкий, то французский акцент. Он как клоун на арене, и яркая характерность актера здесь очевидна. Единственная в свите дама (С. Ломджария) присутствует в спектакле как пантомимический персонаж. Пластика коварной Геллы, одетой (точнее, раздетой), как Маргарита на балу, – это завлекающий, эпатажный элемент дьявольских штук.

Самый смешной персонаж – Кот Бегемот (М. Арджеванидзе). Этаким жирный, хитрый, усатый котьяра в коротких подштанниках с торчащим хвостом, сверху пушистая безрукавка и как обязательный элемент джентльменского набора – перчатки, очень нелепые, без пальцев. Он любит валять дурака, изображая обманщика и привереда, ему позволены розыгрыши даже самого Воланда.

Князь Тьмы у Н. Гомелаури также лишен «демонических» черт, как и показного величия. Он язвителен, ироничен, порой снисходителен, но горечь всезнания сильно отравляет его. Этот Воланд несколько отстранен, порой

Бал

расслаблен, как будто ему наскучило его вечное существование, мелькание тысячелетий и лиц. Он как никто понимает, что на земле все прах – нетленна только любовь.

Актерски от сегодняшнего несколько меланхоличного Воланда иногда хочется большей экспрессии. Он хорош и значителен в финале, когда, возвышаясь над всеми, стоит в черном плаще с кровавым подбоем. От него исходит мощная энергетика, в этот момент он кажется всемогущим. Хотя на самом деле он просто озвучивает для Мастера то, что уже давно свершилось (конечно, не без его участия). Покидая Москву, Воланд забирает Мастера и Маргариту с собой. Именно он дарит им покой и вечный дом.

В «Мастере и Маргарите» играют актеры разных поколений и национальностей, объединенные общим пространством сцены и художественного замысла. Интересно, что некоторые актеры играют здесь сразу двух персонажей, которые или дополняют друг друга, или являются разными ипостасями одного и того же образа. Так, Воланд, рассказывающий Берлиозу о Понтии Пилате, через минуту оказывается сам во дворце Пилата в роли сгорбленного хромого Секретаря, а Кот Бегемот появляется в роли Марка Крысобоя – ведь оба они, скорее всего, были свидетелями и участниками тех давних событий. Мы видим на сцене перевоплощения актеров, и это добавляет красок к актерской палитре. А одно из них происходит прямо на наших глазах в великолепном исполнении М. Амбросова. Это одна из находок режиссера, демонстрирующего и собственную фантазию, и мастерство артиста. Михаил Берлиоз после того, как все видели его отрезанную трамваем голову, вдруг возникает перед нами у того самого турникета с разлитым маслом. В таком сюжете этому никто не удивляется. Но когда покойный Берлиоз начинает сдирать с лица усы, вешает свою береточку на этот злосчастный турникет и моментально преобразается в пьяного директора варьете, тут, конечно, оторопь берет. Что, человек – это часть некоего божественного (или дьявольского) замысла с перевоплощениями и переселением душ?

Евангельская линия в спектакле доверена актерам, чье мастерство не вызывает сомнений: Понтия Пилата играет Дж. Сихарулидзе, а Иешуа Га-Ноцри – В. Харютченко.

Режиссер по-своему строит их взаимоотношения, они несколько приземлены, очеловечены. Пятый прокуратор Иудеи не столь недосыгаем. Сихарулидзе отлично отыгрывает оттенки настроения Пилата, его колебания, ход мыслей. Его привлекает Иешуа своей человеческой су-

тью. Пилат как бы изначально готов принять суждения бродячего философа, между ними нет противостояния, а это имело бы смысл – тогда мощнее прозвучало бы переосознание всего прокуратором.

Иешуа Га-Ноцри воспринимается тоже двойко. Внешне Харютченко идеально вписывается в общепринятый облик Христа. Более того, актер понимает, к какому образу он прикасается, что он должен нести. Бродячий философ Га-Ноцри в этом спектакле – человек не от мира сего, не умеющий покривить душой даже ради своего спасения, и сверхчуткий ко всему. Особенно к страданиям других. Он излечивает прокуратора, а Марк Крысобой, жестокий и беспощадный, от прикосновения руки обвиняемого вдруг начинает улыбаться, наверное, впервые в жизни. Но иногда Иешуа

кажется слишком боязливым, моментами даже заискивающим, что никак не вяжется с таким прообразом. Сильно звучит у Иешуа тема власти: преследование, предательство, неправый суд – это люди переживают во все эпохи, и это хорошо акцентировано. В спектакле есть момент, где образ Иешуа проявляется актером идеально. Это последний акт, когда Га-Ноцри безмолвно присутствует при решении судьбы Мастера. Внешне он абсолютно отстранен от происходящего, он неподвижно сидит перед нами, но его взгляд какой-то особый, и у нас ощущение, что это и есть «око всевидящее».

И еще одно пожелание режиссеру. С точки зрения общей концепции спектакля было бы нелишним озвучить смысловой акцент всепрощения Христа. В эпилоге романа Пилат, обращаясь к Иешуа, просит: «Молю тебя, скажи, казни не было?» – «Ну, конечно, не было, это тебе

Полет Маргариты

померещилось». Только после этого они смогут вместе уйти по лунной дороге.

И все-таки, несмотря на какие-то шероховатости, неизбежные в премьерных показах, для нынешнего состояния театрального искусства эта постановка – явление особое и во многом примечательное. Станет ли оно замечательным, покажет время.

ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ

НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ

Окончание

Неудивительно, что в середине прошлого века российские городские евреи, по существу, ничего не знали о существовании грузинских евреев. Точно также они, в большинстве своем, не знали ни о бухарских евреях, ни о горских. Знание пришло позже, в конце 60-х - начале 70-х, когда движение за Алию и воссоединение на земле исторической родины сплотило всех советских евреев, в каком бы уголке империи они ни проживали. В этом живительном движении грузинские евреи показали всем нам пример мужества и отваги.

При большевиках сочинять и подписывать по собственной инициативе коллективные письма было делом опасным, посадочным: такое письмо расценивалось властями как групповое действие, направленное, разумеется, на подрыв существующего режима. Индивидуальное письмо влекло за собой куда меньшие неприятности. Евреи, безуспешно добивавшиеся репатриации в Израиль, поначалу действовали в одиночку. Сплоченные «грузины» были первыми, написавшими в 1969

году в ООН коллективное «Письмо 18-и», в котором излагалось требование к советским властям отпустить восемнадцать семей из захолустного городка Кулаши на историческую родину под эмоциональным девизом: «Родина или смерть!» Копия документа попала в Москву прежде, чем оригинал - в Нью-Йорк. Смелость города берет: на Старой площади, как видно, письмо произвело впечатление, и подписантов выпустили без шума и скандала. Вряд ли власти, принимая это решение, руководствовались соображениями гуманности. Скорее, сработал политический прагматизм: чем сажать этих евреев, делать из них героев и привлекать к делу нежелательное внимание - лучше пусть катятся к чертовой матери в свой Израиль! Но пример оказался заразителен - вскоре и в Москве появилось коллективное письмо местных отказников, и оно тоже сработало без осечки. Правда, несколько месяцев спустя, когда еврейские коллективные письма с требованием «Фараон, отпусти мой народ!» пошли косяком, власти перестали на них реагировать: привыкли. Храбрецов «брали на

карандаш» и допекали потом по полной программе, но, как правило, не сажали: ветшающая система начала давать сбой.

В 1957-м на улице Леселидзе не слышно было разговоров об отъезде в Израиль: время еще не пришло. Но евреи, судя по всему, чувствовали себя здесь достаточно привольно – и тогда, и позже. Неизбывный «еврейский вопрос» не был здесь столь остроугольным, как в других областях империи. Через десять лет, в июне 67-го, я в очередной раз очутился в Тбилиси. Только-только закончилась Шестидневная война. Войдя в ресторан гостиницы «Тбилиси», я увидел моего друга писателя Арчила Сулакаури – грузина, главного редактора одного из литературных тбилисских журналов. Арчил поднялся из-за стола с бокалом вина в руке и, глядя на меня, сказал громко, на весь зал: «Я пью за государство Израиль и лично за генерала Моше Даяна!» Оркестр заиграл Хава-Нагила. Это было похоже на волшебную сказку. В Москве, крившей в эти дни «израильских агрессоров» во все корки, такого не могло произойти ни при каких обстоятельствах, даже в еврейском кабаке в Марьиной Роше.

В начале 70-х годов прошлого века грузинские ев-

отторгая прошлое, они, тем не менее, с головой погрузились в настоящее и сделали его неотъемлемой частью. Встречались среди этих людей интеллектуалы и необразованные, богатые и бедные, торговцы золотом и «торговцы воздухом». Я приятельствовал с одним таким неординарным человеком, - в Грузии он носил имя Шалва – Шалико, а в Израиле стал называться Шалом. И профессия у него была изумительная – дрессировщик медведей. Знаменитый укротитель диких зверей Иван Филатов очень его уважал и сулил ему блестящее будущее.

Шалико и сам смахивал немного на медведя, вставшего на дыбы: такой же огромный, мощный, с медной сильной шеей. Он мечтал открыть в Израиле профессиональный современный цирк-шапито, ездить с ним по стране и веселить детей и взрослых. Для такого роскошного цирка нужны были звери, и Шалико решил любой ценой вывезти из СССР трех подходящих медвежат и по приезде на историческую родину заняться их дрессировкой.

Евреи много чего вывозили из России с позволения властей. На «отъезжантов» в Израиль на ПМЖ распространялись общие правила. Разрешено было, например, вывозить иконы – но не более трех на семью, меховые изделия – но, почему-то, не шкуры. Я видел, как один еврей вез в Израиль лыжи. Медведей не вез никто, и в таможенном формуляре они не упоминались. Можно представить себе, что появление на таможне Шалико с его живым багажом вызвало неподдельный интерес, а, возможно, и переполох. Но ведь и строгие таможенники – тоже люди, и в конце концов сибирские медвежата отправились на историческую родину под видом мягкой мебели.

В Израиле Шалико с головой ушел в работу. Нужно было купить за границей и доставить в Тель-Авив шатер-шапито, нужно было пригласить зарубежных артистов – акробатов, канатоходцев и силачей. Фокусники и клоуны нашлись на месте, и в изобилии: в сущности, все мы тут немного фокусники и клоуны. Медвежата на калорийных харчах росли не по дням, а по часам и набирались цирковой на-

уки, которую Шалико им преподавал кулачным методом. На все замечания типа «Дедушка Дуров так себя не вел со своими питомцами» Шалико отвечал односложно: «Темнил старик. Вел...»

Первое представление было торжественно назначено на вечер 6 октября 1973 года, в Тель-Авиве. Все билеты были распроданы на месяц вперед: собственный цирк впервые появился в Израиле, за двадцать четыре года государственности руки израильтян как-то до этого не доходили... Все было готово. Шалико облачился в концертный смокинг и надел галстук-бабочку под названием «кис-кис».

реи снялись с насиженных мест и перелетели в Израиль. Грузины провожали их как друзей – быть может, оттого, что у самих грузин чувство родины трепетно и горячо; не было ни выволочек на профсоюзных собраниях, ни оскорблений, ни обвинений в «предательстве». Двухтысячелетняя история общины осталась в памяти и в книгах, да синагога на Леселидзе сохранилась в неприкосновенности. Характерно, что интеграция грузинских евреев в Израиле прошла куда более легко, чем, скажем, евреев российских. «Грузины», похоже, не испытывали в новой стране «эмигрантский комплекс». Сохраняя самые добрые чувства к Грузии, ничуть не

А утром началась война Судного дня. В Тель-Авиве взвывла сирена воздушной тревоги. Заграничные циркачи-гастролеры, побросав реквизит, помчались на аэродром и срочно разлетелись по домам; их тоже можно было понять... Шалико рвал бы на себе волосы, если б это пришло ему в голову: он был почти сломлен.

После кровопролитной войны Судного дня о цирке уже не было и речи, да и Шалико, потеряв много денег, несколько приуныл. Медвежата выросли, пре-

вратились в матерых медведей и не годились для дрессуры; Шалико подарил их маленькому тель-авивскому зоопарку, где они соседствовали с одуревшим от жары белым медведем, величиной с телегу.

Спустя недолгое время Шалико предпринял еще одну попытку создать цирк, но на этот раз дело не пошло, и несгибаемый «грузин» хандрил в своей квартире в Герцелии, где вместе с ним проживала обезьяна Клико – единственное, что осталось от блестящей цирковой мечты. Туда я и приехал навестить моего доброго приятеля Шалву-Шалому.

- Не повезло мне, Датику, - в недоумении пожимая широченными плечами, жаловался Шалва. - Израилу тоже не повезло - останется теперь без цирка.

Сидя за столом, мы пили вино с грузинским сыром. Обезьяна Клико, боязливо косясь на хозяина, ездил по квартире на самокате.

Через несколько лет, бродя по Манхэттену, я увидел в витрине крохотной часовой мастерской знакомое лицо: Шалико! Мой товарищ сидел там с лупой в глазу, нависая над стойкой массивным торсом. Я вошел, мы обнялись.

- А я и не знал, что ты умеешь починять часы, - сказал я.

- Кто тебе сказал, что я умею? - ухмыльнулся Шалико. - Плевал я на эти часы! Но дело идет.

- Зачем тебе тогда лупа? - спросил я.

- Как зачем? - сказал Шалико. - Для доверия!

Историю Шалико нельзя назвать характерной для движения грузинских евреев с берегов Черного моря на берега Средиземного. Но именно такие необыкно-

венные истории высветляют общую картину, составленную из обыкновенных случаев.

Первый мой приезд в Грузию, закончившийся изданием двух поэтических сборников – Мариджан и Александр Саджая – в моем переводе, накрепко и надолго связал меня с великолепной грузинской культурой. Я и сегодня с любовью вспоминаю эту дивную страну, населенную поэтами – доверчивыми и открытыми людьми. И не я один: грузинские поэтические поля манили к себе и звали Евтушенко и Ахмадулину, Межирова и Винокурова, не говоря уже о великих: Пастернаке, Заболоцком. В Тбилиси ощущал себя своим Сергей Параджанов, там родился и провел значительную часть жизни легендарный Рюрик Ивнев. Сотни замечательных стихов посвящены русскими поэтами Грузии и грузинам или навеяны этой землей. Журнал «Литературная Грузия» на русском языке – главным редактором там был Константин Лордкипанидзе, ответственным секретарем Борис Гасс – позволял себе публиковать стихи, ни за что не прошедшие бы в московских изданиях, под недреманным цензорским оком. Этот журнал остался в истории литературы как отдушина для столичных поэтов – строптивых или опальных.

Марк Израилевич Златкин оказался старым евреем, твердой рукой управлявшим крупнейшим грузинским издательством «Заря Востока». Ему оставалось совсем немного до ста лет, когда он эмигрировал в Израиль. О нем можно сказать, что он «знал всех» в литературе своего времени, растянувшегося на целый век. Он оставил после себя книгу мемуаров, написанную и изданную еще при большевиках. К сожалению, опасный опыт советской жизни стоял за ним, когда он работал над своей книгой, и целые этапы кровавой эпохи, свидетелем которой он был, так и остались за страницами его воспоминаний; эти невосполнимые пробелы он унес с собой в могилу.

В своем директорском кабинете Златкин вручил мне папку с подстрочниками – всего около четырех тысяч строк, и договор на работу. Я даже не представлял себе, как сумею я перевести такую уйму стихов – две книжки! - и пытался не паниковать. Мне предложили уехать из Тбилиси со всеми его соблазнами в горную деревушку Квишхети, в Дом творчества грузинских писателей. Я был настроен куда как серьезно и согласился, не раздумывая. Две книжки в двадцать лет! И я робко мечтал о том дне, когда эти книжки увидят свет.

В Квишхети действительно никаких соблазнов не обнаружилось, кроме духана «Монте-Карло», названного так в честь грузинского поэта Карло Каладзе. Я назначил себе десятичасовой рабочий день и просиживал над стихами в своей комнатенке с утра до заката. За окном пели куры и трубили коровы, и меж зелеными горбами гор открывался вход в Боржомское ущелье.

Через полтора месяца я закончил работу, и она была одобрена издательством.

Вернувшись в Москву, я узнал, что исключен из института. Причина была веской: неявка в студенческий отряд Литинститута, собиравший свеклу на колхозных полях. Все поехали собирать, а я вместо этого занимался лето напролет какими-то глупостями – переводил поэтов на холмах Грузии.

ДАВИД МАРКИШ

ЭТО ВЕЧНОЕ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ...

известно, чем был заполнен для поэта этот промежуток времени. В романе Л.П. Гроссмана «Записки Д'Аршиака» вымышленному герою, впоследствии секунданту Дантеса, в блистательной толпе первых слушателей «Сусанина» удастся разглядеть одинокую фигуру Пушкина. «Мне кажется, я

Тема «Пушкин и Глинка» с давних пор едва ли не самая популярная в литературе о Глинке; отношения с поэтом издавна рассматривались как важнейший этап в биографии Михаила Ивановича. Однако штампы официальной идеологии исказили эти отношения, обезличивая их участников. Постараемся по возможности восстановить реальную картину.

По словам Глинки, знакомство с Пушкиным, брат которого Лев Сергеевич обучался с ним в благородном пансионе при Главном педагогическом институте Санкт-Петербурга, продолжалось до самой кончины поэта. Однако, судя по материалам литературного наследия композитора, моменты общения с Пушкиным не наводили Глинку на размышления о его творчестве. А в эпистолярных документах Пушкина встречи с Глинкой попросту не нашли отражения. Нам неизвестно, какое впечатление вынес Пушкин после премьеры оперы «Жизнь за царя»; роковая дуэль состоялась ровно через два месяца после премьеры, и хорошо

снова вижу сквозь горячий и темный взгляд вздрагивающее сердце, исходящее мукой и болью ... с неизгладимой силой запоминается навсегда ...измученное, искаженное лицо ... с темным огнем в испуганных и негодующих глазах». Может показаться парадоксом, но этот портрет имеет прямое отношение к стихам Пушкина из того шуточного канона («Пой в восторге, русский хор!»), который был исполнен во время чествования композитора после первого представления оперы (не избалованный поклонением, Глинка с благодарностью воспринял это посвящение).

Юмористические куплеты имели большой успех, но для потомков они прежде всего являют свидетельство подлинного отношения высшего света к явлению Глинки. У четверых выдающихся представителей русской культуры (М.Ю. Вильгорский, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, А.С. Пушкин) не нашлось для композитора иного приветствия, как сомнительного вкуса каламбурь вокруг его имени: Глинка-фарфор, Глинка-глинтвейн, Глинка-Неглинная,

среди которых, на первый взгляд, особенно жестоким представляется у Пушкина: Глинка-грязь. И никакие законы комического жанра не могут оправдать оттенок пренебрежения, который отсутствует, пожалуй, лишь у Вяземского. Впрочем, пространство, которое последний отводит славе Орфея-Глинки, это промежуток ... от Неглинной до Невы. Причина в отношении к отечественным дарованиям, которое и здесь набрасывает тень на фигуру композитора. Однако при вдумчивом прочтении оказывается, что куплет со стихами Пушкина в известной мере выпадает из контекста; скрытый смысл выводит его за пределы «жанра». В сумрачном четверостишии («Слушая сию новинку, / зависть, злобой омрачась, / пусть скрежечет, но уж Глинку/ затоптать не сможет в грязь») композитор предстает в окружении ауры, которая, подобно смертоносной петле, затягивалась вокруг самого поэта. На этом фоне пророчество, что автора новой оперы не удастся «затоптать в грязь» не убеждает, что сполна подтвердилось в дальнейшем.

Ярлык «кучерской музыки», который не уставали клеить на оперный первенец Глинки его недоброжелатели, глубоко знаменателен. Он отражает те свойства творческой натуры Глинки, которые дали ему возможность воздвигнуть памятник не только герою Сусанину, но и камаринскому мужику. О том, насколько эти свойства созвучны художественной натуре Пушкина, убедительно подтверждают слова Достоевского: «Он (Пушкин. – М.К.), барин, Пугачева угадал и в пугачевскую душу проник, да еще тогда, когда никто ни во что не проникал. Он, аристократ, Белкина в своей душе заключал. Он художнической силой от своей среды отрешился и с точки народного духа ее в «Онегине» великим судом судил».

На тексты Пушкина Глинка написал оперу «Руслан и Людмила», а также 10 романсов. В ранних из них отразился интерес композитора, большого любителя географии и путешествий, к странам, в образы которых он так легко вживался в своем творчестве. Это направление открывает «Грузинская песня». Ее сочинение связано с семейством А.Н. Оленина, директора Императорской публичной библиотеки и президента Академии художеств. Дачный дом Олениных в пригороде Петербурга Приютино превратился в один из самых модных литературных салонов. Для Пушкина этот дом стал особенно привлекательным с тех пор, как сердцем его завладела Анна Алексеевна Оленина (Анет), адресат стихов «Ее глаза», «Увы! Язык любви болтливый», «Ты и вы». Окруженная многочисленными поклонниками, Анет была самого высокого мнения о своих достоинствах, и когда поэт сделал ей предложение, то получил решительный отказ. Судя по всему, Пушкин тяжело пережил это и решился на «поэтическое» мщение. В черновой рукописи «Онегина» в гостинной княгини Греминой появляется семейство Олениных. Анет представлена здесь как Лиза Лосина: «Тут Лиза Лосина была./ Уж так жеманна, так мала/, Так неопрятна, так писклива/, Что поневоле каждый гость/ предполагал в ней ум и злость». Обратим внимание, что «ум» и «злость» соседствуют на равных. Известно, что Пушкин игнорировал в женщинах ум, делая исключение для А.О. Россет-Смирновой, а впоследствии Ишимовой, и не допускал Наталью Николаевну к обсуждению своих новых сочинений, отчего она мучительно страдала. Не признавал он интеллекта и Анны Петровны Керн, отказывая ей в несомненном литературном даровании, а когда она вознамерилась перевести Жорж Санд, в письме к жене обозвал ее дурой.

Анна Керн

Однако Анет Олениной суждено было остаться в творчестве Пушкина не только в качестве адресата лирических стихов.

В начале июня 1828 года Пушкин услышал в доме Олениных мелодию грузинской песни, которую Глинка незадолго до этого узнал от Грибоедова. Ее пела Оленина, очаровавшая поэта своим исполнением. Возможно, ей аккомпанировал Глинка. П.Анненков утверждал, что мелодия прозвучала в импровизации композитора. Впечатления этого вечера воплотились в стихах «Не пой, красавица, при мне», и таким образом Анет стала не только музой, но и участницей сюжета этого поэтического шедевра. В стихотворении – два женских образа. «Красавица», к которой обращается автор стихов, Оленина; «далекая, бедная дева» – княгиня Мария Волконская, последовавшая за мужем-декабристом С. Г. Волконским в Сибирь. 11 августа, в день своего двадцатилетия, Анет записала в дневнике: в числе гостей был «милый Глинка, который после обеда играл чудесно и в среду придет дать мне первый урок пения. Приехал, по обыкновению, Пушкин».

Надо сказать и о более отдаленных истоках художественной связи Пушкина, а через его стихи и Глинку, с домом Олениных. В числе свидетелей творческого процесса Глинки – А.П. Керн. Посвященное ей стихотворение Пушкина «Я помню чудное мгновенье» снова переносит в семью Олениных, на этот раз в их петербургский дом. В один из вечеров 1819 года поэт познакомился с 19-летней Анной Полторацкой – Керн, племянницей хозяйки дома. Однако

не он завладел тогда вниманием юной особы. Героем рота стал И.А.Крылов, который, играя в фанты, прочел свою новую басню «Осел и Мужик» со знаменательной моралью: «Осел был самых честных правил». Не эта ли притча стала поводом к аллюзии в первом стихе «Онегина»?

Через несколько лет поэт встретился с А.Керн в Тригорском и не на шутку увлекся ею. Когда Анна Петровна собралась уезжать, Пушкин преподнес ей неразрезанный экземпляр первой главы «Евгения Онегина». Там она обнаружила лист почтовой бумаги со стихами «Я помню чудное мгновенье».

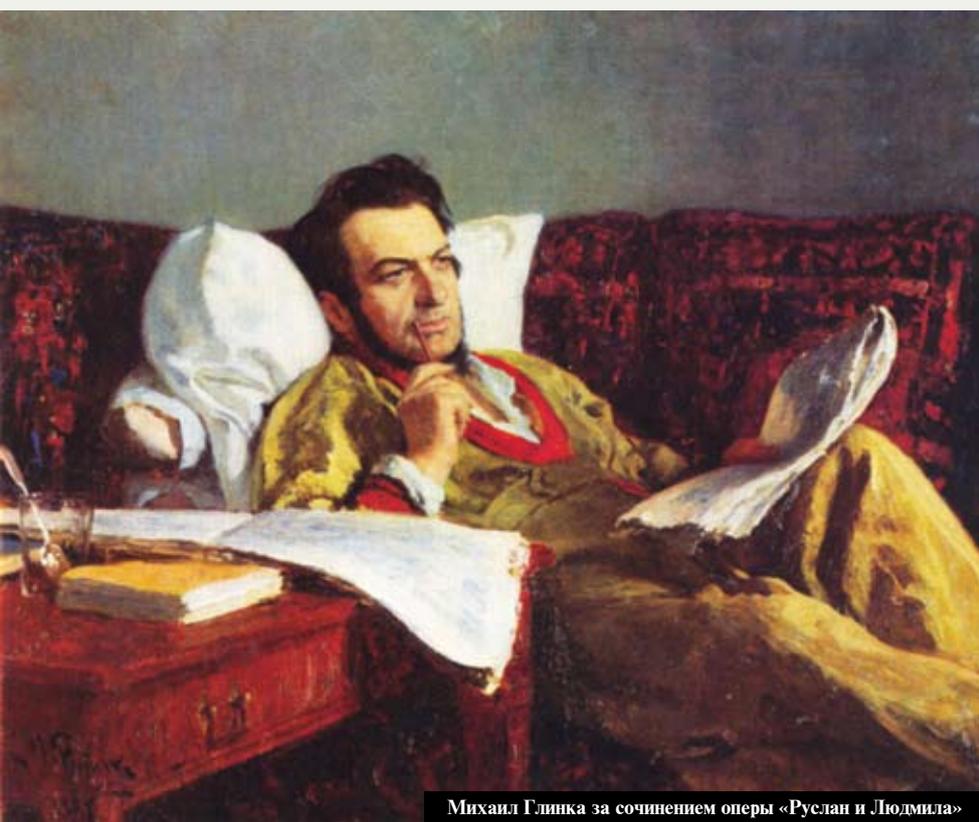
Следующий «пушкинский» романс «Я здесь, Инезилья», поэтический текст которого впервые появился в печати с музыкой Глинки, провозвестил испанское направление вокальной лирики Глинки.

Современники Глинки И. Панаев и В. Соллогуб вспоминали, с каким самозабвением исполнял композитор свой романс «В крови горит огонь желанья», какой тратой душевных сил сопровождалось каждое его исполнение. Однако, эту музыку на стихи Пушкина (из первой главы «Песни песней» Соломона) нельзя полностью соотносить с поэтическим сюжетом. В лирических, в особенности же эротических стихах Пушкина любовное чувство как бы раздваивается. Выражение страсти сопряжено с иронией, насмешкой, застенчивой издевкой: «душа тобой уязвлена» («В крови горит огонь желанья»); «порывом пылких ласк и язвою лобзаний»

и иронии только раз удалось отразить в музыке – в романсе Глинки «Я вас люблю, - хоть я бешусь», и в интерпретации певцов (Е. Нестеренко, В. Григорян) эта концепция обычно сохраняется.

В 1826 году, познакомившись с Глинкой, Анна Петровна Керн подарила ему авторский рукописный экземпляр стихотворения «Я помню чудное мгновенье», который он тут же потерял. Спустя год стихи Пушкина были опубликованы в издаваемом Дельвигом альманахе «Северные цветы». Однако их музыкальная интерпретация отодвинулась на 14 лет, пока на жизненном пути композитора не появилась та, в черты которой он просит взглянуться Степанова в случае посещения Смольного, чье имя обозначается в мемуарах только через инициалы, которые Глинка не решается приводить даже в посвященных ей опусах («Если встречу с тобой», «Я помню чудное мгновенье», «Вальс – фантазия», который для «отвода глаз» адресован Стунееву, а также утерянный вальс для оркестра В – dur). Это Екатерина Ермолаевна Керн. Замысел романса «Я помню чудное мгновенье» возник из глубокого и сильного чувства, которое она проработала в композиторе, тревоги перед маячившим призраком чахотки (ужас перед этой болезнью парализовал работу над партитурой «Руслана») и безмерной радости при ее выздоровлении; сюжет стихов Пушкина гармонично соответствовал переживаниям композитора. Анна Петровна Керн вспоминает о той ответственности, которую испытывал Глинка во время сочинения романса. «Ему хотелось составить на эту пьесу музыку, вполне соответствующую ее содержанию, а для этого нужно было на каждый куплет писать особую музыку, и он долго хлопотал об этом».

Екатерина Ермолаевна Керн стала также музой второй оперы Глинки – «Руслан и Людмила»; близко общавшийся с Глинкой Стасов утверждал, что в этой опере автор выразил свою последнюю любовь. Керны – мать и дочь – были очевидцами творческого процесса баллады Финна из «Руслана и Людмилы». По словам Анны Петровны, она возникла из заунывной, похожей на неопределенное мурлыканье песни, которую Глинка записал от возницы-чухонца во время поездки на Иматру в обществе Дельвигов и Керн. «Надо было слышать, как Глинка играл этот мотив с вариациями, что он сделал из этих нескольких полудиких и меланхолических тонов! - восхищалась А. Керн. - Когда Глинка однажды спел арию Финна в присутствии Сергея Львовича Пушкина, то старик при слухе «По бороде моей седой слеза тяжелая скатилась» расплакался и бросился обнимать

Михаил Глинка за сочинением оперы «Руслан и Людмила»

(«Нет, я не дорожу мятежным наслаждением»). Венцом распаленных чувств вдруг оказывается сон («Склонись ко мне главою нежной, и да почию безмятежный», или: «Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила; К ней на плечо преклонен, юноша вдруг задремал». Своеобразно реагирует лирический герой Пушкина на разлуку с предметом обожания: «Без вас мне скучно, - я зеваю». Такое слияние эротики

Глинку, и у всех присутствующих навернулись на глаза слезы ... я не помню наслаждения выше того, какое я испытала в тот вечер». «Руслан и Людмила» отложились в памяти А.П. Керн как «мелодия лебединой песни и гармоническое сказание о чувствах души, которая изливалась в музыку хотя и не всем доступной, но полной поэзией».

МАРИЯ КИРАКОВА

Котик
Певзнер

Право, не знаю, с чего начать. Это всегда трудно – начало. Воспоминания теснятся, толкутся, опережая друг друга. И так хочется рассказать обо всем, ничего не пропустить, обо всем, что связано у меня с Котиком Певзнером. Официально – Константин Григорьевич Певзнер – это по паспорту, в анкетах, а в жизни, как сказал Аркадий Арканов, через семь минут после знакомства он для всех становится просто Котиком. Я провел с ним без малого два десятка лет и каждый год месяцев 8-9 мы проводили на гастролях. Ведь известно – чтоб узнать человека, надо с ним съесть пуд соли или съездить на неделю на гастроли. Так что, Котика я узнал очень хорошо. Такая светлая-светлая грусть охватывает! Грустно, что его нет с нами уже столько лет, а светло становится, когда вспоминаю «золотой» период моей жизни.

В конце пятидесятых годов Константину Певзнеру поручили организовать при филармонии Государственный эстрадный оркестр Грузии «Рэро». Был объявлен конкурс музыкантов. В то время я учился в консерватории на оркестровом факультете, серьезно увлекся джазом, по ночам ловил по приемнику «Music

НАС ОБЪЕДИНЯЛА ЛЮБОВЬ

USA» с Уиллисом КанOVERом, играл джаз, что-то сочинял, писал аранжировки, руководил самодеятельным оркестром, а с оркестром педагогического института им. Пушкина даже побывал во время студенческих каникул на гастролях в Минске. Так что практика в этом деле у меня была, но серьезно, профессионально заниматься эстрадой я не собирался. У меня (и особенно у моей мамы) были совсем другие планы. В те годы эталоном для всех нас был эстрадный оркестр ГПИ, писать программу для которого из Баку пригласили известного джазмена Константина Певзнера. Нетруд-

но представить какой популярностью и уважением он пользовался среди музыкантов. Мы не были знакомы, но для меня Певзнер был недостижимым божеством, которое обитает где-то там - над радугой. Когда в филармонии объявили конкурс, Гия Канчели, с которым я очень дружил, спросил, не хотел бы я попробовать свои силы в профессиональном оркестре. Это было совершенно неожиданно. Я знал, что оркестр почти укомплектован, идут репетиции, готовится программа для поездки в Вену. Я, студент, мальчишка и мечтать не мог о таком предложении. И вдруг - на тебе. Короче говоря, Гия, который близко знал Котика еще со времен ГПИ, меня «сосватал». Оказывается, Котик никак не мог выбрать пианиста. Приходили прослушиваться играющие, но не умеющие импровизировать, импровизирующие, но без музыкального образования, не знающие нот. И тут Гия рассказывает Котику, что есть парень, который умеет делать и то, и другое, и третье. «Приведи его ко мне», - сказал Котик. И я пошел. Мы друг другу сразу понравились. Собственно, понравился мне Котик или нет - ничего не меняло. Главное, ему понравился я. Мы подружились. И дружили до последних дней его жизни.

Мне хочется сказать теплые слова о Мерции - жене Котика. Удивительная, уникальная женщина. Иногда проскакивает крамольная мысль, что если б не Мерция, то Котик не стал бы Котиком. Насколько он был уникальным и одаренным в искусстве, настолько в быту он был... как бы это сказать помягче. Все домашние и семейные дела лежали на хрупких плечах Мерции. Кстати, она часто сопровождала Котика в гастрольных поездках, была в курсе всех наших дел. И до последней минуты оставалась рядом с ним. После смерти Котика

книгу «Оранжевая песня Константина Певзнера», куда вошли рассказы, воспоминания, страницы из жизни Котика, написанные его ближайшими друзьями и коллегами. Листаю страницы книги - вот же он, живой Котик!

«Это был удивительный человек. Талантливый музыкант, прекрасный мелодист, вернейший друг... Несмотря на отнюдь не ротшильдовские заработки, другу мог отдать последний рубль...», - пишет Чингиз Садыхов, один из выдающихся пианистов Азербайджана.

«Не странно ли, что человек, перешагнувший за шестьдесят, прославленный в стране музыкант, руководитель крупных оркестров, так и не стал Константином Григорьевичем, а остался Котиком. Невольно напрашивается сравнение с Яшей Хейфецем, Милей Гилельсом, Славой Ростроповичем. Ведь они тоже, дожив до преклонных лет, так и остались Яшей, Милей и Славой...», - Тофик Кулиев, композитор.

«Каждый, кому довелось общаться с Котиком близко, как бы прикипал к нему душой раз и навсегда... Всегда в отличном настроении, веселый, добродушный, он обладал какой-то особой, чуть ли не магнетической силой, привлекавшей к нему самых разных людей. Я не переставал удивляться, как безотказно действует на окружающих его присутствие. Не успевает он переступить порог, как тут же оказывается в центре внимания», - журналист Валид Атамали.

«Неотразимое обаяние и юмор, а также его ум и такт в общении с самыми разными людьми делали его желанным гостем в любом обществе, доме, компании...», - Владимир Рубашевский, композитор.

«У него был поразительный театральные талант. Для него концерт - не набор музыкальных номеров, а целый спектакль! Он удивительно точно чувствовал как музыкальную, так и театральную драматургию. Котик выстраивал концерт, как единый сплав музыки, пластики, юмора...», - режиссер Гига Лорткипанидзе.

«Человек - праздник, человек - премьера, он был доверчив. Он доверял всем нам, потому и шел к людям с открытым сердцем, ранимым и справедливым...», - Игорь Кио.

«Был ли Котик только лишь таким мягким и добрым обаяшкой? Не скажите! Если надо было, то он становился крепким рассерженным мужчиной, который за честь женщины, за друга, не раздумывая влезал в драку. Довольно твердым он оставался и в отстаивании своих позиций...», - писатель Аркадий Арканов.

Я неспроста привел здесь цитаты. Мне кажется, это дает более полную картину о том, каким был Котик Певзнер. Мне бы хотелось добавить еще кое-что о круге его друзей. Он был на «ты» со всей театральной

и музыкальной элитой того времени. Олег Ефремов и Леонид Утесов, Олег Табаков и Юрий Никулин, Аркадий Арканов и Михаил Козаков, Григорий Горин, Александр Ширвиндт, Михаил Державин, Евгений Евстигнеев, Игорь Кваша, Галина Волчек, Игорь Кио,

С Ингой Перадзе и Вахтангом Кикабидзе

Мерция по крупичам, по строчкам, по обрывкам страниц собирает его рукопись. А ведь это так непросто - Котик работал и творил в Баку, Тбилиси, Одессе, Москве. Сегодня эта работа сопряжена с колоссальными трудностями. В 1993 году Мерция собрала и выпустила

Владимир Трошин – не смогу вспомнить всех, с кем в разное время знакомил меня Котик. Это не просто знакомые, а люди, дорожащие дружбой с ним. Вот это все и всплывает в памяти, когда я вспоминаю годы, проведенные в «Рэро» с Котиком Певзнером. Сколько грустных и веселых минут, сколько курьезов мы пережили вместе. И чтобы мои воспоминания не состояли из одного минора, я закончу их веселой историей.

Есть на юге Грузии небольшой уютный городок Ахалцихе. Расположен он у самой границы с Турцией, в стороне от гастрольных дорог, и как-то так получилось, что «Рэро», который побывал почти во всех уголках страны по нескольку раз, никак не мог до него добраться. Жители Ахалцихе – добрейшие, гостеприимнейшие люди (как, впрочем, и везде в Грузии) неоднократно выражали свое недовольство таким прохладным к ним отношением наших концертных организаций. В один прекрасный день гастроль в Ахалцихе были все же запланированы. Нетрудно себе представить, какую

был банкет после первого концерта. Ну о том, как был сервирован стол, какие подавались блюда и как это все преподносилось, должен быть написан отдельный рассказ, и конечно же, человеком с более глубокими и профессиональными знаниями в области грузинской кулинарии. Я же хочу рассказать о том, что произошло после банкета. Около пяти часов утра нас доставили с банкета в гостиницу. Мы все быстрехонько (как нам показалось) расплзлись по номерам, и уже через полчаса в отеле установилось относительное спокойствие. Котик Певзнер жил, естественно, в номере люкс вместе с нашим контрабасистом Гошей. Номер был трехкомнатный, с необъятной спальней, со всеми удобствами. Они (Котик и Гоша) обменялись впечатлениями о тамаде, поговорили о политике, о последних открытиях в области биогеоценологии. И тут Котику понадобилось выйти. Вполне естественное желание после стольких возлияний. Однако он почему-то решил воспользоваться не теми удобствами, которые находились в номере, а

Котик и его «Рэро»

встречу подготовили ахалцихцы «Рэро». Билеты были распроданы чуть ли не за месяц до нашего приезда, в гостинице забронированы лучшие номера, составлен план мероприятий на все дни пребывания оркестра. И одним из значительных мероприятий, естественно,

общими, расположенными в конце длинного коридора. Котик вышел, а Гоша, прождав его минут десять, заснул. Утром, собственно, уже не утром, а где-то около полудня, – он открывает глаза – Котика нет. Одежда его на месте, туфли на месте, пальто, кашне – все на

Семья – Мерция, Нино, Меги, Котик в Кисловодске. 1977 г.

месте, а самого Котика нет. Гоша забил тревогу. Мы просыпаемся от шума, у всех на устах одно: «Пропа Котик...» Мы тут подключаемся к поисковой группе, толпа растет на глазах. В безуспешных поисках проходит около часа. Директор гостиницы звонит на погранзаставу. Минут через пятнадцать прибывает наряд пограничников с собакой. Она долго нюхает котикину одежду, обувь и бросается к выходу. Мы – за ней. По дороге к нам присоединяются прохожие. Город взбудоражен – мгновенно распространяется слух, что в городе действует группа диверсантов, похищающая людей. Тем временем собака напрямик приводит нас... к банкетному залу, где мы так приятно провели ночь. При всей серьезности ситуации мы не можем удержаться от хохота. Однако, пограничникам не до шуток. По всей границе объявляется тревога. Мы, напуганные и притихшие, возвращаемся в гостиницу, около которой собирается отряд горожан, содействующих пограничникам. В воздухе пахнет грозой.

В это время из соседнего с люксом номера появляется фигура, укутанная в байковый гостиничный плед.

Стуча зубами от холода (дело было поздней осенью), фигура спрашивает осипшим голосом:

- Кого ищите?

- Певзнера!

- Это не он? – говорит фигура и приглашает нас к себе. Мы вваливаемся в номер, проносимся по гостиной, застываем на пороге спальни. Поперек широченной двуспальной кровати, укрывшись двумя одеялами, лежит наш Котик и улыбается во сне так, как может улыбаться ребенок, которому снится цирк. Радость наша безгранична – Котик нашелся! Мы бросились благодарить посиневшего от холода незнакомца. И уже позже, когда улеглись волнения, мы восстановили всю цепь событий.

Котик, побывав там, куда ему хотелось, возвращался обратно по коридору. Он дошел до двери, которая показалась ему знакомой, и вошел. Номер – тоже люкс – оказался абсолютно точной копией его номера, с той лишь разницей, что тут вместо Гоши жил кто-то посторонний. Этот кто-то тоже был почетным гостем в Ахалцихе, но из другой конторы. Ему тоже забронировали люкс и тоже доставили совсем недавно с банкета. Только с другого. Так вот этот дорогой гость после банкета собирается завалиться в теплую постель и хорошо отоспаться, а в это время входит кто-то в трусах и майке и спрашивает его, что он здесь делает. Гость возмущенно заявляет, что это его номер. Тогда Котик, понимая, что может остаться без постели, посылает гостя к какой-то там родственнице, бросается на кровать и с головой закутывается в оба одеяла. Рассудив здраво (насколько это было возможно), что кровать широкая и места хватит обоим, хозяин улегся рядом. Не знаю, что снилось в это время Котику, но, только почувствовав рядом кого-то, он, очевидно, решил, что это любимая женщина и потянулся к ней.

Хозяину котикино поведение не понравилось и он стал отодвигаться. Котик – во сне – за ним. Тот – от него. И так они передвигались, пока хозяин номера не очутился на полу, а Котик – поперек кровати. В конце концов дорогой гость нашел в шкафу плед, перебрался с пола на диван и вконец окоченевший и отрезвевший, с тоской дождался наступления утра.

Пару лет назад Мерция, опять-таки Мерция, организовала концерт, посвященный памяти Константина Певзнера. В Большом зале филармонии, который был свидетелем блистательных выступлений «Рэро», опять звучали чудесные мелодии Певзнера. Зал был переполнен. Кажется, дома не остался ни один коренной тбилисец. После окончания концерта и зрители, и участники не расходились в течение полутора часов, стояли рядом знакомые и друзья, близкие и вовсе не знакомые друг другу люди. Это был какой-то единый порыв, это было желание побыть вместе, пообщаться. Всех нас объединяла любовь к Константину Певзнеру.

ТЕНГИЗ ДЖАИАНИ

О НАРОДЕ, БЫКАХ И СВЯЩЕННЫХ КОРОВАХ

Спарвка:

Игорь Иртеньев родился в Москве в 1947 году. Окончил заочное отделение Ленинградского института киноинженеров, 20 лет работал на телевидении механиком по обслуживанию киносъемочной техники. Писать сатирическую прозу и стихи начал в тридцать с небольшим, публиковаться - с 1979 года. В середине 80-х познакомился с группой молодых литераторов, создавших наделавший много шума в столице клуб «Поэзия». В 90-е годы редактировал иронический журнал «Магазин», учрежденный Михаилом Жванецким. На протяжении нескольких лет еженедельно появлялся на телеэкране в образе «поэта-правдоруба» в программах Виктора Шендеровича «Итого» и «Бесплатный сыр». Член Союза писателей России, Русского ПЕН-центра, лауреат премии журнала «Огонек», «Золотой теленок» (1992), «Золотой Остап» (1992), «Золотое перо» (2000). В настоящее время выступает с авторскими рубриками в «Газете», сотрудничает с программами «Плавленный сырок» на радиостанции «Эхо Москвы» и «Новые времена» на телеканале RTVi.

Алла Боссарт родилась в Москве, известный российский писатель и публицист, обозреватель «Новой газеты», лауреат премии Союза журналистов России.

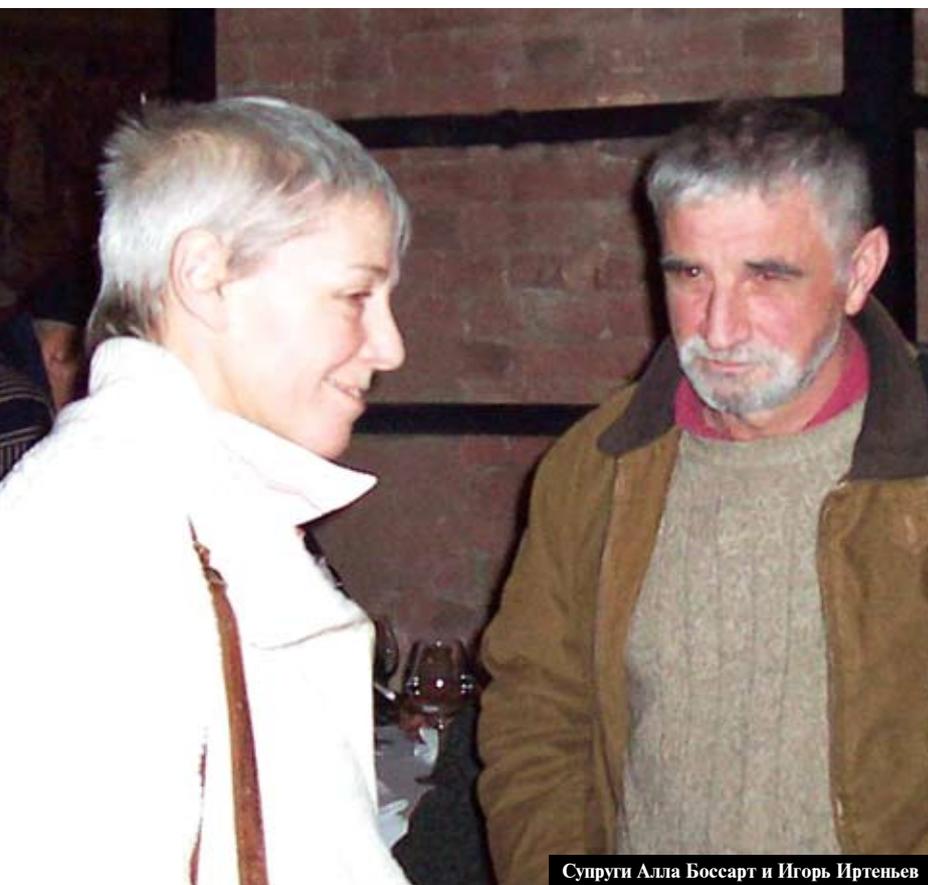
Это очень гармоничная пара: известный поэт-правдоруб (как метко «окрестил» его Виктор Шендерович) автор около 20 книг и лауреат нескольких премий, член русского ПЕН-центра, немногословный - правда, на первый и сторонний взгляд, а значит имеющий что сказать (по Делакруа: «Никогда не бываешь многословным, если говоришь именно то, что хочешь сказать») Игорь Иртеньев и его не менее известная супруга, писатель, критик, публицист, яркая, словно светящаяся изнутри, Алла Боссарт. Они приехали в Грузию в командировку от своих газет («Газета» и «Новая газета»). Каждый из них, и Игорь Моисеевич, и Алла занимаются своим делом, пишут, по отдельности, стихи, романы, рассказы, занимаются журналистикой, публицистикой и прочим, и каждого из них - по отдельности - мы знаем и любим. Но когда видишь их вместе, понимаешь, когда тебе кто-нибудь говорит или указывает на некий идеальный пример чего-то, то они - тот самый случай. Даже в художественных произведениях и у него, и у нее есть и лиризм, и ирония. Игорь Иртеньев сказал как-то: «У нас вообще все общее. Мы очень близки по мировосприятию. Нам хорошо друг с другом, потому что мы люди, абсолютно из одного вещества сделанные. Очень важно, когда люди настроены на одну волну, когда у них общее чувство юмора - это очень важно... Мы действительно очень любим друг друга, сделаны из одного теста, при том, что у обоих непростые характеры. Но все у нас радостно - совпадаем, не противоречим». Эту «парочку» остроумный Вадим Жук сравнил с Гиппиус и Мережковским.

На импровизированном литературном вечере, организованном Котэ Кубаниеишвили, где вперемежку звучали стихи на русском и грузинском языках (Котэ Кубаниеишвили и Алик Дарчиашвили), Игорь Иртеньев читал свои новые и старые, заученные многими его

читателями наизусть, стихи, а Алла Боссарт прочла отрывки из только что изданного романа «Google. Отражения», обозначенного автором как «роман-глюк». И они с горечью говорили о сегодняшней ситуации. «На смену антисемитизму в России пришло антикавказское настроение, которое подогревается сверху. Недоумение и обида – состояние грузинского общества», - замечает Иртеньев. «Меня удивило дружелюбие Грузии по отношению к русским», - добавляет Алла Боссарт.

- Сегодня Россия для Грузии и Грузия для России - новый мир?

Алла Боссарт: - Я не думаю, что Россия для Грузии новый мир. И тем более Грузия для России, конечно, никакой не новый мир. Но новые качества отношений – может быть, но между странами. А между людьми тоже ничего нового. Как было, так и осталось.

Супруги Алла Боссарт и Игорь Иртеньев

- Но чем моложе поколения, тем слабее и слабее связь культур.

Игорь Иртеньев: - Я согласен абсолютно. Это как раз самое печальное, во всей ситуации: выросло грузинское поколение, которому легче изъясняться по-английски, чем по-русски. И то же самое происходит с 20-30-летними молодыми российскими людьми, совершенно свободными от тех культурных связей с Грузией, которыми были нагружены мы. Явление опасное, и, честно говоря, я не знаю, каким образом можно этого избежать - такой культурный разбег.

Алла Боссарт: - Относительно сегодняшней ситуации процесс не такой уж необратимый, но эта дезинте-

рация, разумеется, будет все глубже и глубже. Не только между Россией и Грузией, но вообще между всеми республиками бывшего Советского Союза. Это понятное дело. Когда я приехала в Литву, то была совершенно в равном положении со всеми остальными иностранцами, которые там были. Молодые люди говорят по-русски с огромным трудом, дети не говорят вообще.

- Похожая ситуация и здесь.

Алла Боссарт: - Здесь все-таки молодежь говорит по-русски. Худо-бедно, но говорит. А многие говорят даже и хорошо. Я не знаю, у вас же русский все-таки в школах преподается.

- Как иностранный...

Алла Боссарт: - Да? Ну, конечно, ситуация понятная. Наши дети ни разу в Грузии не были. Мы их, конечно, привезем сюда, мне бы очень хотелось. У меня здесь давние друзья, и раньше можно было ездить туда-сюда легко и запросто. Этого у наших детей, конечно, не будет.

- Игорь Моисеевич, если говорить о русской поэзии вообще, то возникает такое ощущение, что сейчас время не великих поэтов, но хороших. Нельзя ни о ком сказать словами Соломона Волкова, выдающегося собеседника великих, что у него, гения, «особая природа, сверхчеловеческая». Никто не создал ощущения языковой неизбежности. Так ли это? В английской есть, по крайней мере, Уолкотт.

- Собственно говоря, время великих поэтов в истории России было два раза: начало XIX века и начало XX.

- Бродский - последний.

- Да, Бродский был последним, но это уже не было временем великих поэтов, было время одного великого поэта. Я думаю, какой-то период соразмерную величину ожидать трудно. Это некий цикл, и от чего зависит появление гения, решительно не представляю; можно ли вычислить по годам, тоже не знаю, по крайней мере, сейчас на горизонте фигуры, равной Бродскому нет. Хотя есть совершенно замечательные поэты. Но такой глыбы нет.

... Сегодня можно насчитать далеко за тысячу (кто-то когда-то называл примерную цифру - 5000) действительно хороших поэтов, пишущих на русском языке. Профессионалов самого высокого уровня, из которых, возможно, есть представители того «высокого среднего уровня», о котором в свое время говорил Бродский. И увидеть, почувствовать прорыв, изменяющий сознание, состав крови, который совершенно сдвигает горизонты и масштабы, довольно трудно. Но не читать («сужая свой кругозор», лингвистический и литературный) - и уж тем более что-либо отрицать глупо: стихотворения, возникающие на горизонте русского языка, просто исключительные. И кто знает, кто знает, «что день грядущий»

щий нам готовит». Кстати, о Пушкине. Точнее, о народности. Тоже, в некотором смысле, отдельная категория, если сбросить с этого понятия прогнившую чешую совковости. Относительно Игоря Иртеньева, приходят на ум слова Александра Кабакова:

«Когда читаешь стихи Иртеньева подряд, возникает странное ощущение - это все как будто было помимо автора, это абсолютно народные стихи. Такое ощущение возникает разве что, рискованное сравнение, при чтении Пушкина, Есенина, Кольцова, Некрасова. В общем это стихи, которые существуют помимо автора. На мой взгляд, это самая высокая оценка литературы, и это безусловная примета классики». И, конечно, невозможно было не завести разговор на эту тему.

- Вспоминаю строчки и из вашего известного стихотворения «Народ. Вход-выход», которое начинается строчкой «Когда я вышел из народа» и заканчивается строфой о народе: «И понял я, по-прежнему чужда, / И вновь я вышел из народа, / Чтоб не вернуться никогда», хочу задать вопрос: сегодня, если мы возьмем сумму нескольких поэтов, то какие из них - именно в сумме - могут сказать: «И неподкупный голос мой / Был эхо русского народа»?

- Персонифицированная «совесть нации»? Затрудняюсь сказать, честно говоря.

Алла Боссарт: - Я тоже думаю, что они становятся более камерными, и так чтобы это был поэт народный, за гробом которого пойдут толпы...

- Скажем, Гандлевский плюс Цветков - замечательные поэты, но не эхо...

Игорь Иртеньев: - Не эхо. Там каждый следующий плюс будет давать минус, потому что это поэты для вполне определенного круга. Последний из таких был Высоцкий. Даже Бродский отнюдь не был, в сущности, народным, никоим образом. Он поэт для того же круга, для которого Гандлевский пишет. Бродский был, во-первых, абсолютный индивидуалист и горячо противился роли глашатая и выразителя каких-либо общественных настроений, настаивал на своей частности всегда, начиная с Нобелевской речи - там он просто сконцентрировал это. Изначально он был чужд всякой общественной деятельности...

Алла Боссарт: - Вредной.

Игорь Иртеньев: - Даже не Галич. Было три национальных русских гения за всю историю: это Пушкин, Есенин и Высоцкий.

Алла Боссарт: - Он не был поэтом в полном смысле этого слова. Высоцкий все-таки был бардом. Ты же сейчас сам читал его книжку и говорил, что глазами читать эти стихи невозможно.

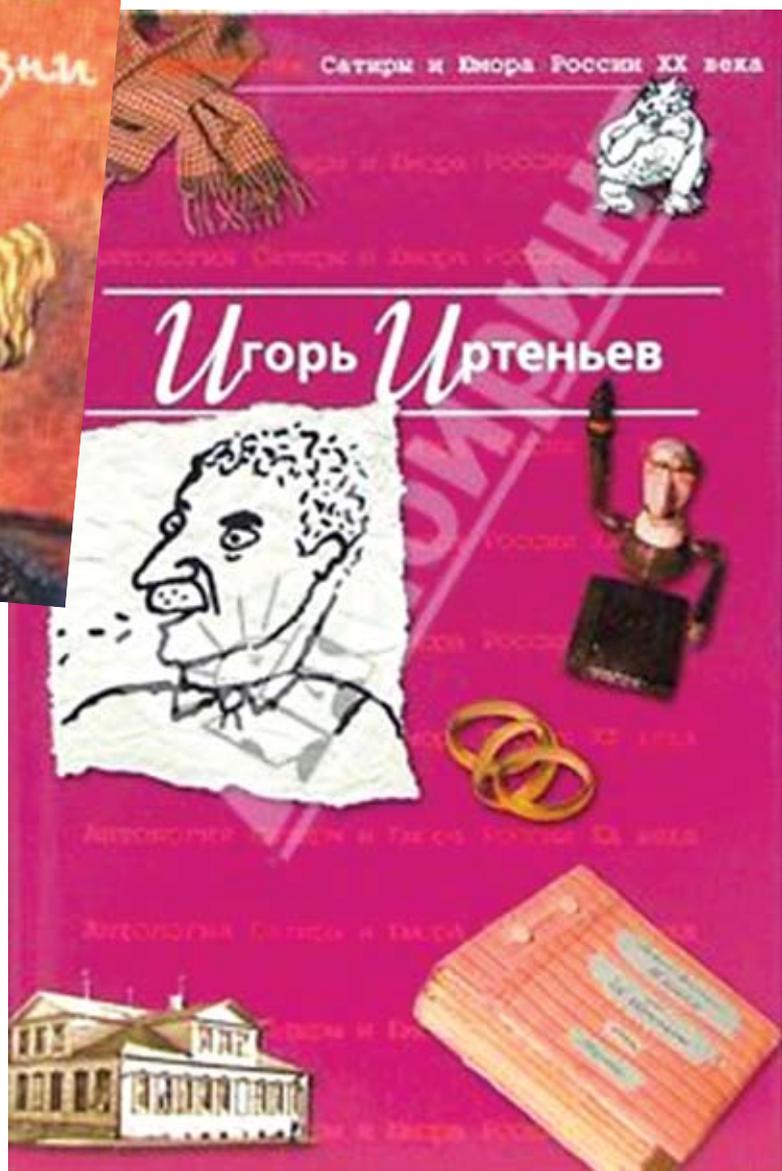
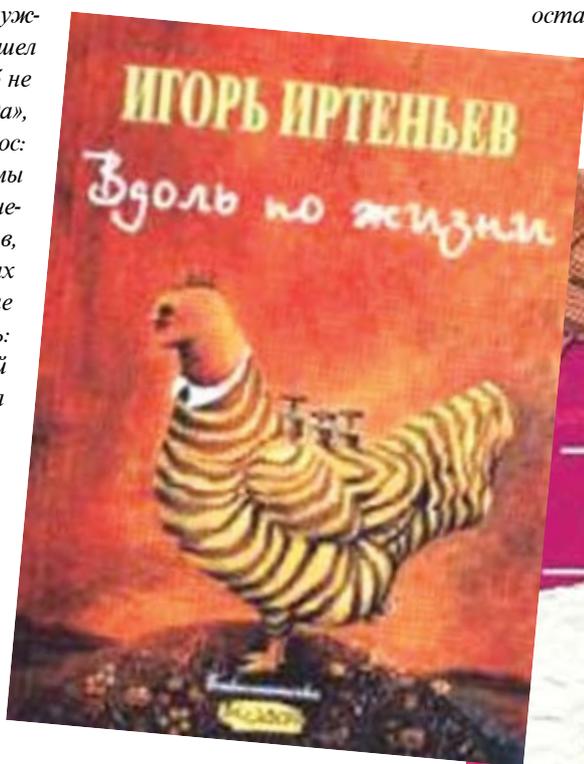
Игорь Иртеньев: - Ну какие-то из них невозможно, они неудачно составлены. Нет, дело не в этом. Важно, повторю, что было три национальных гения. А бард - тоже поэт. Так сказать, певец.

- Но все-таки бард - это сниженный уровень, не та концентрация...

Алла Боссарт: - Конечно.

Игорь Иртеньев: - Не та концентрация, да, но он больше является выразителем души. Сейчас такого уровня нет, да я и не уверен, что нужен.

- Алла, вы говорили, что вас как журналиста - сейчас оставим писательскую деятельность в стороне - интересуют большие вещи «матовые», и что вы пишете о простых людях (и тем не менее, скажем, замечательно написали о

Норштейне и т.д.) Как журналист, с кем бы вы хотели встретиться, с кем еще не встречались?

- Во-первых, начнем с того, что я не встречалась с очень многими. Миллион народу, с кем было бы интересно просто поговорить - не завести дружбу, а просто поговорить. Это не обязательно должны быть звезды, правда? Иногда бывают такие забавные встречи, которые помнятся очень много лет. Однажды к нам с Игорем пришел морильщик тараканов, который оказался настоящим народным философом. Он не умолкая рассказывал обо всем, и о тараканах в том числе, и мне было жалко, что я не могу включить диктофон, потому что выглядело бы глуповато. Я потом очень жалела, что у меня нет возможности с ним встретиться, по-хорошему посидеть за столом, поговорить. Так что от морильщика тараканов до какой-нибудь американской супер-кинозвезды, например, Роберта де Ниро, которого обожаю - было бы ужасно интересно с ним поговорить. Таких людей очень много. Это с одной стороны. С другой, должна вам сказать, что у меня с годами все меньше и меньше тяга вообще с кем бы то ни было разговаривать. Не тяга, а способность. Мне трудно говорить с новыми людьми. Я как-то ухожу в себя все больше и больше, и поэтому мне интересней сейчас заниматься прозой, чем журналистикой, выстраивать свои какие-то вещи. И сочинять, чем репродуцировать.

- Бродский говорил, что невозможно одинаково хорошо выступать в двух шоу: жизни и творчестве. В одном из них приходится халтурить. Ставится ли такой вопрос у вас?

Алла Боссарт: - Я все-таки предпочитала бы, наверно, халтурить в работе. Во-первых, я не считаю себе таким великим автором, каким, вероятно, позиционировал себя Бродский, а в жизни не хотелось бы совершать каких-то недостойных поступков, которые можно было бы квалифицировать как халтуру. Я разделяю работу, то есть поденщину, которой уже почти не занимаюсь, службу, и литературу. В литературе я стараюсь не допускать халтуры. Какой смысл-то? Если я пишу за два года один роман, для чего ж я буду в нем халтурить? Если бы я зарабатывала деньги, если бы писала детективы или женские романы, но можно было бы.

- Что имеется в виду - предположим, как Цветаева мучилась со своими бытовыми проблемами. Если совсем упростить: пойти дописывать строчку или пойти накормить дочку...

Алла Боссарт: - В моем случае очень специальные обстоятельства. У меня очень тяжело больной ребенок, неизлечимо. И, конечно, для меня отношения с дочкой перевешивают отношения с литературой, хотя в литературе я могу в какие-то моменты освободиться от этой проблемы. Понимаете? Поэтому я, так сказать, могу позавидовать Бродскому, у которого этой проблемы не было, и он здесь мог схалтурить, а я не могу.

Игорь Иргеньев: - Я, как Алла, скорее в литературе. Потому что в жизни такие потери невозможны. А там - ну перевернул страницу, на следующей что-то еще есть хорошее. Я не абсолютизируюсь в свое так называемое творчество, совершенно и достаточно спокойно и трезво отношусь к своей популярности и своей творческой потенции. Это дело действительно меня не перевешивает. Мне абсолютно чужда так называемая поэтическая манера поведения в жизни, обычай русской поэзии, «с отвращением бить зеркала». Одно дело - Есенин, когда он лупил своих баб и стягивал скатерть со стола - это

одно, он был Есенин, он гений. Огромное природное дарование, не очень отесанное, грубо говоря, но просто огромное. Со мной немножко другой случай. Я думаю, то, что позволено Юпитеру, то быку нет. А себя я считаю быком.

Да, «Есть обычай у русской поэзии/ С отвращением бить зеркала/ Или прятать кухонное лезвие/ В ящик письменного стола» (строчки С. Гандлевского), и, конечно, есть среди них люди с «гибкой совестью» (вспоминаю уже вспомненного вначале Делакруа - «Не сближайся с людьми, у которых слишком гибка совесть»); есть быки и «священные коровы» русской поэзии у нас сегодня. Как раз к последним эта «парочка» и принадлежит, в том или ином смысле, так или иначе, и тем приятнее, что с совестью у них тоже все в порядке - «металла звон», алаверды к Гавриилу Романовичу, нержавеющейке, а еще точнее - червонное золото. В конце концов, как сказал Станислав Ежи Лец: «Можно сменить веру, не меняя Бога. И наоборот». Ведь, независимо от конфессии, веры или не-веры, человек всегда узнаваем «по плодам своим» - за то и любим.

ИННА КУЛИШОВА

ВРАТАРЬ СТАЛИНА

«Нашли себе занятие – двадцать дураков гоняется за одним мячом, – отводил душу отец, придя с работы. – Ты только скажи, каждому куплю по мячу». Шел Яков по улице Маяковского, мимо сада Муштаид, и увидел через ограду тренировочного поля динамовского стадиона футболистов и в воротах сына, Мишу. Якова можно понять, сам он известный альфрейщик и сыну того желал – получить профессию, приносящую достаток в семье и уважение соседей. Однако особого открытия в тот день не сделал, знал почему подолгу не заживают ссадины на коленях сына – нелегко давались на дворежном асфальте прыжки по-дороховски. Шура Дорохов, страж динамовских ворот и кумир тбилисских мальчишек 30-х годов, часто захаживал к другу, футболисту Сергею Кузьмину в их дом №73 на Николаевской-Калинина улице. Это сегодня, лишенная трамвайных путей и деревьев, она безголосая и обнаженная, как фабричная номинантка. А тогда звенела тревожной трелью знаменитая десятка – строенный трамвай, на котором ехали на стадион в дни футбола. Во дворах подрастала смена футболистов и баскетболистов, мальчишки довоенного поколения были универсалами, имели разряды по нескольким видам спорта, осваивали кодекс честности. В силу его дворежные команды составлялись примерно равными. Именно тогда будущие чемпионы впервые начинали задумываться, чего они стоят, кого в первую очередь выбирают капитаны, как через несколько лет отбирали в разведку. Мишу, самого младшего и худого, ставили в ворота, хотя ему больше по душе самому забивать.

Пройдут года, и легендарный вратарь Михаил Пираев на мой вопрос, кого из своих коллег он особо выделял – Хомича, Леонида Иванова, Маргания, Яшина, Серго Котрикадзе – после долгой паузы говорит: «Все же Доро-

хова. Его превосходил, пожалуй, московский спартаковец Жмельков, он потом еще играл за тбилисский «Спартак» и ТОДО».

Я сижу в доме Михаила Яковлевича, и наша беседа за рюмкой золотистого коньяка, как мяч катится вдоль кромки футбольного поля, то убыстряется на трагических горках, на которые так была щедра жизнь его поколения. От дворовых команд и матчей, сыгранных на пустырях и ипподроме, до стадионов Англии, Венгрии, Бельгии, Болгарии, Польши, Турции, где его мастерство заставляло подниматься в едином порыве трибуны.

Семь городов Древней Греции спорили за честь считаться родиной Гомера. За Михаилом Пираевым в Тбилиси приезжали «сваты» из футбольных команд Москвы, Ленинграда, Ростова, Минска, Баку, Риги, Еревана... Всего числом более десяти. Его выбор остановился на Москве. Но это особая история, трагическая в его биографии.

В конце 37-го арестовали его сводного брата Аврама (мать вышла замуж за вдовца с малолетним сыном). Выпускник партшколы Аврам быстро пошел на повышение: заворг райкома партии, председатель райсовета имени 26 Бакинских комиссаров... Миша вспоминает, как пришли они с братом на улицу Кирова, а в доме у брата непро-

Михаил Пираев и Евгений Моргунов. 1953 г.

шенные гости в фуражках с синим околышем – простукивают стены, разгребают печную золу, откладываяют в сторону книги, конспекты, записи. Наконец, закончили обыск – позвонили тому, кто их прислал. «Пусть сдаст партбилет... потом разберемся». Так Лаврентий Берия сдал своего выдвиженца, без которого не обходился ни на охоте, ни на рыбалке. Отец многие годы обращался во все инстанции, и отовсюду один ответ: десять лет без права переписки. И тогда Мише сказали: «Поезжай в Москву, к Василию Сталину, командующему ВВС Московского военного округа, он шеф футбольной команды летчиков и поможет узнать о судьбе брата».

Миша к тому времени в составе тбилисского «Спартак» завоевал право играть в первой лиге союзного первенства и звание мастера спорта. Ему повезло – выступая за команду 31-го завода, попался на глаза Андро Жордания, гению селекции, которому удалось создать молодежный коллектив, со своим неповторимым почерком игры. Первый сезон принес им второе место в закавказской зоне класса «Б», второй – они закончили победителями зоны и финального турнира в Ростове за единственную путевку в высший футбольный свет.

Никита Симонян

Однако, в 1950 году играть за родной «Спартак» Мише не пришлось. В Тбилиси командировали администратора команды ВВС, бывшего футболиста Юрия Канунникова. Приехали в правительственный особняк на Гоголевском бульваре, в резиденцию Сталина-младшего. Василий Иосифович испытывающе смотрит на гостя: «Хочешь играть в ВВС? Твои условия». Тогда новобранцы просили у всемогущего хозяина квартиру на улице Горького. Пираев: «Мне ничего не надо». Василий Иосифович обращается к находящемуся в кабинете старшему тренеру Гайозу Джеджелаву: «Кого это вы привезли?» Миша объяснил великую просьбу семьи. Сталин: «Я знаю. Сейчас позвоню, и тебе сообщат, а пока иди в финчасть, получи аванс». Скоро Миша узнал, что брата расстреляли через семь дней после ареста. Время идет, а Мише тянут с оформлением. В команде без него четыре вратаря: заслуженный мастер спорта Акимов, Пучков, Архаров, Корсаков. И Тбилиси открепления не дает – их «Спартак» играет в первой лиге. Приехал в Москву брат Володя, огорошил с порога: «Нашу семью выселяют в Казахстан». Пираев рвется на прием к

шефу, он деньги получил, а тот занят.

Миша решает вернуться в Тбилиси. Во Мцхета на станции в его вагон поднимается Борис Пайчадзе, вместе едут в министерство госбезопасности. Николай Рухадзе предлагает: «Или играешь за тбилисское «Динамо» или за алма-тинское. Выбирай». Можно сказать, приставил к стенке. Дали Мише заполнить анкету, из министерства – в аэропорт. В Адлере тбилисские динамовцы тренируются. А в семье Пираевых новая трагедия – Володя застрелился. До этого его исключили из института, не сообщил перед поступлением, что брат «враг народа».

В Адлер Миша приехал утром, самолет их улетел. Смотрит: догоняют его на мотоцикле. Готовят самолет. Взлетели, самолет трофейный, грузовой, в его нутре бочки железные катаются. Адъютанты ругаются, а у Миши одна мысль: только бы живым долететь. На аэродроме ждала машина. Адрес знакомый – Гоголевский бульвар, 7. Адъютанты не хотят подставляться, шеф злой, волейболисты ВВС провалили первый круг первенства страны.

Гайоз Джеджелаву и Василий Сталин. Начало 50-х гг.

Тянут жребий со спичками кому ехать – не повезло Капелькину. Приехали. На столе графин с водкой, огурцы. Сам разговаривает по телефону с Романовым. «Заходи, беглец, садись». Пираев: «Не хочу играть. Дома родители еле живые, высылки дожидаются». Василий Иосифович:

«Соедините меня с Рухадзе». На дворе ночь. Минут сорок искали министра. Василий Иосифович командует: «Капитолина, подай гостю чистый стакан» – «Я не пью, спортсменам нельзя» – «Возьми, тебе говорят». Граммов сто заставил выпить. Наконец, в трубке слышно: «У аппарата Рухадзе» – «Говорит генерал-лейтенант Сталин. У тебя там в Грузии советской власти нет?» – «Это все болельщики, товарищ генерал».

Начальники ни о чем не договорились в этом нервном разговоре. Тбилиси так просто Пираева уступить не собирался. Как-то приехал в Москву Борис Пайчадзе. Сталину-сыну доложили о его приезде. Устроил он банкет, на котором сказал: «Я большой поклонник тбилисского «Динамо», но дважды в сезоне желаю ему поражения – во встречах с ВВС. А Пираева не отпущу. Вот Акимова хоть сегодня забирайте».

Пайчадзе вернулся домой с невыполненной миссией, а Миша остался в ВВС. Ошибаются те, кто считают ее командой-среднячком, вряд ли среднячку удалось бы занять 4-е место в чемпионате 50-го года. А летчики сумели, лишь два очка отделяли их от бронзового призера – тбилисского «Динамо». Гайоз Иванович Джеджелава помог многим игрокам раскрыть свои возможности. И набор игроков был звездный: Бобров, Башашкин, Крижевский, Шувалов. Первые двое выступали в драматичном матче олимпийского турнира-52 со сборной Югославии; проигрывая 1:5 за четверть часа до истечения основного времени, сумели с товарищами сравнять счет в поединке, названном потом матчем Сталин-Тито. Во втором, решающем матче с югославами чуда не произошло. Проигравших на ленинградском вокзале ждал пустынный перрон. И совсем уж страшным было решение о расформировании ЦСКА, базовой команды сборной СССР.

Гнев вождя народов был страшным. Мише запомнилось совещание команды, когда зазвонил телефон хозяина кабинета. Василий Иосифович поднял трубку и стоя выслушал разнос отца – нет, не имели права «сталинские соколы» проигрывать московским динамовцам и так бездарно. Первым осторожно, бочком вышел из комнаты Коршунов, за ним – другие, избегая встретиться глазами с шефом, который сейчас мало походил на командующего, поднявшего во время парада, вопреки запрету, свой авиаполк над Красной площадью.

После смерти Сталина Пираева пригласил в московский «Спартак» его тренер Абрам Дангулов.

Вспоминает Никита Симонян: «В начале пятидесятых годов, после расформирования команды ВВС, к нам пришло несколько игроков, которые оставили заметный след в истории «Спартака». Среди них был Михаил Пираев, вратарь. Худой, тоненький, как тростинка, мощи – кожа да кости. Ему довольно сложно было играть на выходах, но зато в воротах мгновенно взлетал за мячом в верхний угол, мгновенно доставал его в нижнем... В команде Мишу любили. И за чувство юмора, никогда не изменявшее, и за кристальную честность, порядочность».

Патриарх отечественного футбола, олимпийский чемпион Симонян пишет в своей книге «Футбол – только ли игра?» о своем старшем друге: «В Тарасовке прямо за стадионом начиналась сосновая роща. Иногда мы делали в ней зарядку под аккомпанемент крикливых галок. Однажды, едва несколько галок слетело на землю, Миша совершил молниеносный бросок и выпрямился с птицей в руках. Повертел ее, показал нам и выпустил. А однажды,

к нашему изумлению, схватил сразу двух петухов – такая поразительная реакция».

Это важнейшее для вратаря качество у Миши тоже от Дорохова.

Другой знаменитый спартаковский голкипер Владимир Маслаченко, поздравляя Мишу с 80-летием (в 2001 г.), назвал его одним из лучших вратарей советского футбола 50-х годов. Достаточно вспомнить триумфальные для «Спартака» 1953-54 годы, которые принесли Пираеву золотую и серебряную медали чемпионата страны.

– 1953-й был дважды счастливым для Миши, – рассказывает Люся, жена футболиста. – Тогда мы поженились, а он удостоился золотой медали чемпиона.

У супругов две дочери и четверо внуков. Нонна – врач-кардиолог – живет в Тбилиси с родителями, Ирина – востоковед, преподает арабский язык в Софийском университете.

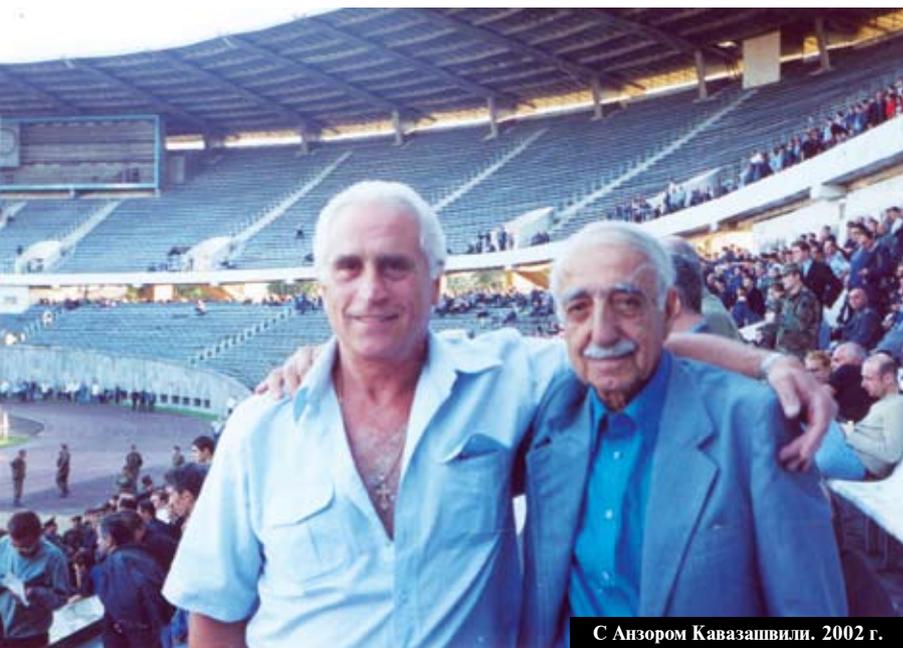
О спортивной доблести Пираева говорят поездки «Спартака» в 1954 году в Бельгию и Англию, где москвичам противостояли мастера англо-саксонской школы. Бельгийцев-профессионалов из «Андерлехта» и команды Льежа ожидал разгром: гости выиграли 7:0 и 5:2. Теперь предстояли матчи с более сильными англичанами. 9 ноября – со знаменитым «Арсеналом». Место центрфорварда Томми Лаутона, который в 1945 году противостоял Хомичу, занял молодой Холтон. Уже в первые четверть

Михаил Пираев и Серго Котрикадзе. 2002 г.

часа Пираеву пришлось взять трудные мячи от Холтона, вышедшего с ним один на один, от Мильтона, Лоджи. И все же спартаковцы одержали победу – 2:1 (мячи забилы Парамонов, Симонян, Лоджи). После игры английские газеты назвали Пираева «русским чудом». Но через неделю их ждал лидер чемпионата Англии «Вулверхемптон Уондерерс» с капитаном сборной Биллом Райтом.

Клуб, который никогда не проигрывал иностранцам на своем поле. Если в первой половине москвичи отстояли свои ворота, то после перерыва игрок сборной Англии Уилшоу поразил цель. В последние пятнадцать минут спартаковская защита еще трижды наказывалась за свои ошибки. Англичане поместили в газете обидный шарж: «Спартак» всей командой удирает в санях, за кучера – Пираев, а за ними гонятся волки. Тем не менее англичане дали высокую оценку игре москвичей. Газета «Стар»: «Ни одна из приезжавших в Англию иностранных команд не производила столь хорошего впечатления, как московский «Спартак». Через год в Москве спартаковцы взяли

С Анзором Кавазашвили. 2002 г.

реванш – «волки» проиграли 0:3. Повторилась история с карикатурой, только на этот раз уже волки бежали от них, на облучке саней – все тот же Пираев. «Волки забрели в русский лес и безнадежно растеряли всю стаю», - писала лондонская «Дейли миррор».

Еще одна памятная встреча сборной Москвы с футболистами Венгрии. В воротах – молодой Яшин, запасной вратарь – Пираев. Увидев его, Пушкаш поспешил навстречу: «Мишка!» Оба вспомнили недавний товарищеский матч при открытии «Непштадиона» 20 августа 53-го года. За будапештский «Гонвед» выступали почти все игроки сборной Венгрии, шесть олимпийских чемпионов Грошич, Лорант, Божик, Кочиш, Пушкаш, Цибор. И «Спартак» был великолепен: вратарь – Пираев; защитники – Тищенко, Башашкин, Седов; полузащита – Паршин, Нетто; нападение – Пармонов, Бобров, Симонян, Деметьев, А. Ильин. Им противостояли футболисты, в то время сильнейшие в мире, которые в незабываемых двух матчах Англия-Венгрия победили родоначальников футбола с общим счетом 13:4.

«Тогда в Будапеште мы проиграли, - вспоминает Михаил Яковлевич, - на голы Седова и Симоняна хозяева ответили тремя. И очень досадно, что радиокомментатор Вадим Синявский обратил свою критику против меня. Надо было ему как-то объяснить неудачу советских футболистов. Целый год потом от меня бегал.

Не могу не сказать добрых слов о Симоняне. Это был

исключительно корректный, я бы даже сказал, вежливый игрок. Но как только возникал голевой момент, он моментально преображался, делал мощный рывок и неотразимо бил по воротам. Бывало, подойдет и спрашивает: «Деньги тебе не нужны?» Я уже знал: как-то он одолжил мне – и забил сборной Чехословакии два мяча. «Андерлехту» – четыре в одном матче, правда, без моей помощи.

В конце сезона 1954-го мы с Симоняном отдыхали с семьями в Кисловодске. Приехала за мной делегация из Грузии, приглашают играть за тбилиское «Динамо». У вас Маргания, говорю. Все же уговорили. Три года поиграл в команде, переживавшей кризис после естественной смены состава. Кроме Маргания, были еще вратари: Кития, молодые Анзор Кавазашвили и Серго Котрикадзе уже заявляли о себе. Успел сыграть за сборную Грузии на I Спартакиаде народов СССР в 1956 году, выиграл в ее составе серебряную медаль. Из большого футбола ушел в 1957 году – на тренерскую работу».

Расстался он с футболом довольно неожиданно. 4 июля «Динамо» принимало «Галатасарай» из Стамбула. Перед игрой динамовскую базу посетил руководитель республики Василий Павлович Мжаванадзе и говорит: «Когда приезжаю в Москву, в ЦК спрашивают не про чай и виноград, а про футбол – что происходит с вашим «Динамо»? Мжаванадзе поспешили заверить: «Непременно выиграем». Но проиграли 2:3. И «виновники» нашлись – Маргания, Зазроев, Пираев. Дескать, оказались недостаточно подготовлены. Правда, потом решение отменили, но Михаил Яковлевич посчитал, что пора закрывать свой лицевой счет: ВВС – 1950-52 гг., 32 игры; «Спартак» (Москва) – 1953-54 гг., 28 игр; «Динамо» (Тбилиси) – 1955-57 гг., 22 игры.

Этот человек, разменявший девятый десяток жизни, член совета старейшин Ассирийского Национального Конгресса Грузии, остался скромным и обаятельным, каким его все знают и любят. Никогда не забывал, что его номер первый, что выходил он на игру, становясь рядом с капитаном. Я представил его, молодого, в воротах, которые никогда не казались ему большими. На него накатываются волны атак самых знаменитых бомбардиров, а он чувствует себя в родной стихии, часовым у ворот. Право же, неплохо звучит. И напоследок, спрашиваю, кто же все же создавал для него наибольшую опасность на поле. «Конечно же, Бобров», – отвечает уверенно. Трижды Бобров перенес операции коленных суставов, получил тяжелое повреждение грудной клетки, ходил весь перебинтованный, но никогда не жаловался, не таил зла на обидчиков. Был велик на футбольном поле и хоккейной площадке. Обладая поразительной реакцией, мог угадать наивыгоднейшую позицию для взятия ворот. «Помню, в тренировочной игре выходит он против меня. я уже заранее предупрежден – осторожно играть против Боброва на выходах, недолго нанести ему травму. Выхожу из ворот и забираю мяч в его ногах. Он только начинал свой знаменитый прорыв и все потом допытывался, как я разгадал его движение».

Слушая рассказ Михаила Пираева, я, может быть, впервые прочувствовал справедливость слов «часовой у ворот», как бы банально они ни звучали.

АРСЕН ЕРЕМЯН

УВИДЕННОЕ ОЧАРОВАННЫМ ВЗГЛЯДОМ

*К 160-летию со дня рождения
Дмитрия Ермакова*

Рождение фотографии берет начало с 1839 года, когда 19 августа французский физик Д. Араго выступил с историческим докладом перед депутатами французской палаты о методе получения изображения, разработанного изобретателями Л. Дагером и Ж. Ньепсом.

В Грузии первые частные фотомастерские открылись в 1840 году. Впоследствии их число значительно возросло. Открывшиеся фотостудии были связаны с именами Г. Гаупта и И. Александровского. В 60-х годах фотографировали А. Иваницкий, русский горный инженер, чей ученик Александр Дигмелов (Дигмелашвили) стал выдающимся оператором, снятые им кинофильмы («Красные дьяволята», «Последние крестonosцы», «Георгий Саакадзе», «Кето и Котэ», «Тайна двух океанов») вошли в золотой фонд кинематографии Грузии, П. Ганкевич и др. Фотография того времени, в основном, носила утилитарный характер. В конце XIX века было создано Всегрузинское общество фотографов-художников.

Так, изготавливаемые фотографии в студии художника В. Хламова отличались высоким техническим уровнем. При его содействии Александр Роинашвили (1846-1898), первый грузин-фотограф, в 1865 году в частном доме Давида Сараджишвили на Дворцовой улице открыл студию «Рембрандт», которая впоследствии стала одним из очагов культурной жизни города. В 1870 году свою фотостудию в Тифлисе открыл Дмитрий Иванович Ермаков (1846-1916), первоначально на Дворцовой улице в доме Цовьянова и в доме Дворянского банка, а впоследствии (1870) на Головинском проспекте в доме Мдивани, против 1-й классической гимназии. Творческий путь Ермакова насчитывает более полувека, за это время он смог создать свои бесценные фотографии на высоком профессиональном уровне, проявляя безупречный вкус. На международных выставках Ермаков получал награды и дипломы фотографических обществ Франции, Ирана, Бельгии, Германии, России и других стран.

Дмитрий Ермаков был придворным фотографом персидского шаха, членом Археологического общества Грузии (1907), член-корреспондентом Кавказского Общества изящных искусств (1878). Им был составлен археологический каталог «Материалы по археологии Кавказа» для Кавказского музея. Будучи представлен в 1874 году на 10-й Международной фотовыставке в Париже, они принесли автору золотую медаль. Фотографии Ермакова пользовались большим успехом не только в Грузии. Фотохудожник создал несколько тематических альбомов, некоторые из них были посланы им в музеи Парижа и Лондона. Свои фотографии он печатал с личной монограммой -D.

В 1892 году Д. Ермаков по поручению членкора Академии наук Российской империи Дмитрия Баградзе принял участие в археологической экспедиции в Сухум-Кале, где заснял обширный исторический материал. В Музее города Тбилиси «Карвасла» хранится коллекция фотоматериалов, снятых им в разных уголках Грузии и Кавказа в целом. Данный фотоматериал

Дмитрий Ермаков с семьей

относится, в основном, к периоду пребывания фотографа в Абхазии. Коллекция включает в себя филокартический (открытки) материал с изображением исторических памятников и архитектурных зданий. Его

почтовые открытки и визитные карточки представляют коллекционную ценность.

В 1903 году в «Тифлисском листке» сообщается о приобретении 500 экземпляров фотографий Ермакова, в связи с открытием Кавказского этнографического отделения при Петербургском музее императора Александра III.

Военный топограф Ермаков конструировал объективы на основе фотографических «походных» приборов, появившихся в 80-90 гг. XIX века. От Афин до Тифлиса заснял самые знаменитые места стран Кавказа, Персии, Европейской и Азиатской Турции и Турецкой Армении. Все это вошло в «Каталог Ермакова». Первый каталог состоит из 18 тыс. видов и типов, а

Свидетельство своего времени:

«В дворцовых галереях Персидского шаха собрано множество картин разных школ и художников. Между картинами немалую часть занимает коллекция различных портретов самого шаха, в большинстве малоудовлетворительных по исполнению. На днях нам пришлось видеть с фотографического снимка г. Ермакова большой поясной портрет шаха, писанный по заказу нашим тифлисским художником Колчиным. Кому приходилось раньше видеть портреты работы г. Колчина, г. Шишкова, г. Корганова, г. Пенчинского и др., тот не удивился бы блестящему исполнению и настоящего портрета, который в скором времени сделается достоянием Тегеранского дворца и явится там, кажется, первым произведением русской живописи», писала газета «Кавказ», в 1884 году.

В 1902 году В. Левинский издал альбом «Зеркало Кавказа», куда включены 36 картин с видами Кавказа, снятыми Ермаковым. Содержание и изысканность этого альбома обеспечили автору общественный успех. В настоящее время альбом представляет собой библиографическую редкость.

В фондах Литературного музея им. Г. Леонидзе и в библиотеке Союза писателей Грузии хранятся раритеты «Альбом частного дома Д. Сараджева (арх. Карл Цаар) с фотографиями Д. Ермакова», где засняты экстерьеры и интерьеры особняка выдающегося мецената, производителя коньяка заводским способом в Российской империи.

Путешествуя по Кавказу, Ермаков заснял обширный документальный материал. Многие его работы

Военно-Грузинская дорога

Дворник приветствует прохожих

также различных снимков стереоскопов в количестве 2 тыс. экземпляров (Тифлис, 1896 г.). Второй каталог состоит из 25 тыс. видов и типов, а также различных снимков стереоскопов в количестве 3 тысяч (Тифлис, 1901 г.)

Д. Ермаков 23-х лет

ЭКСПЕДИЦИЯ У КРЕСТОВОГО МОНАСТЫРЯ

I ряд (слева): Давид Каричашивили (писатель-историк); Еквтиме Такашвили (ученый); Генрих Гриневский (художник); Дмитрий Ермаков (фотограф); Сергей Гиоргадзе (литератор); сзади первого ряда в центре скульптор Ресненко.

II ряд: Анатоли Кальгин (архитектор); Газар Саркисов (архитектор); Мадатов (архитектор); Якоб Николадзе (скульптор); Симон Квдиашвили (архитектор).

На переднем плане Кепинов (скульптор). Фото снято 22 июня 1914 года.

хранятся в архивах различных стран, в частных коллекциях. Основной фонд находится в собрании Государственного музея Грузии им. С. Джанашиа, который передан музеем университетом. Ермаков принимал участие в археологических экспедициях под руководством Е. Такашвили как фотограф, а также в общественной жизни страны. По поручению служб Российской империи фотографировал боевые сражения в русско-турецкой войне (1877-1878 гг.).

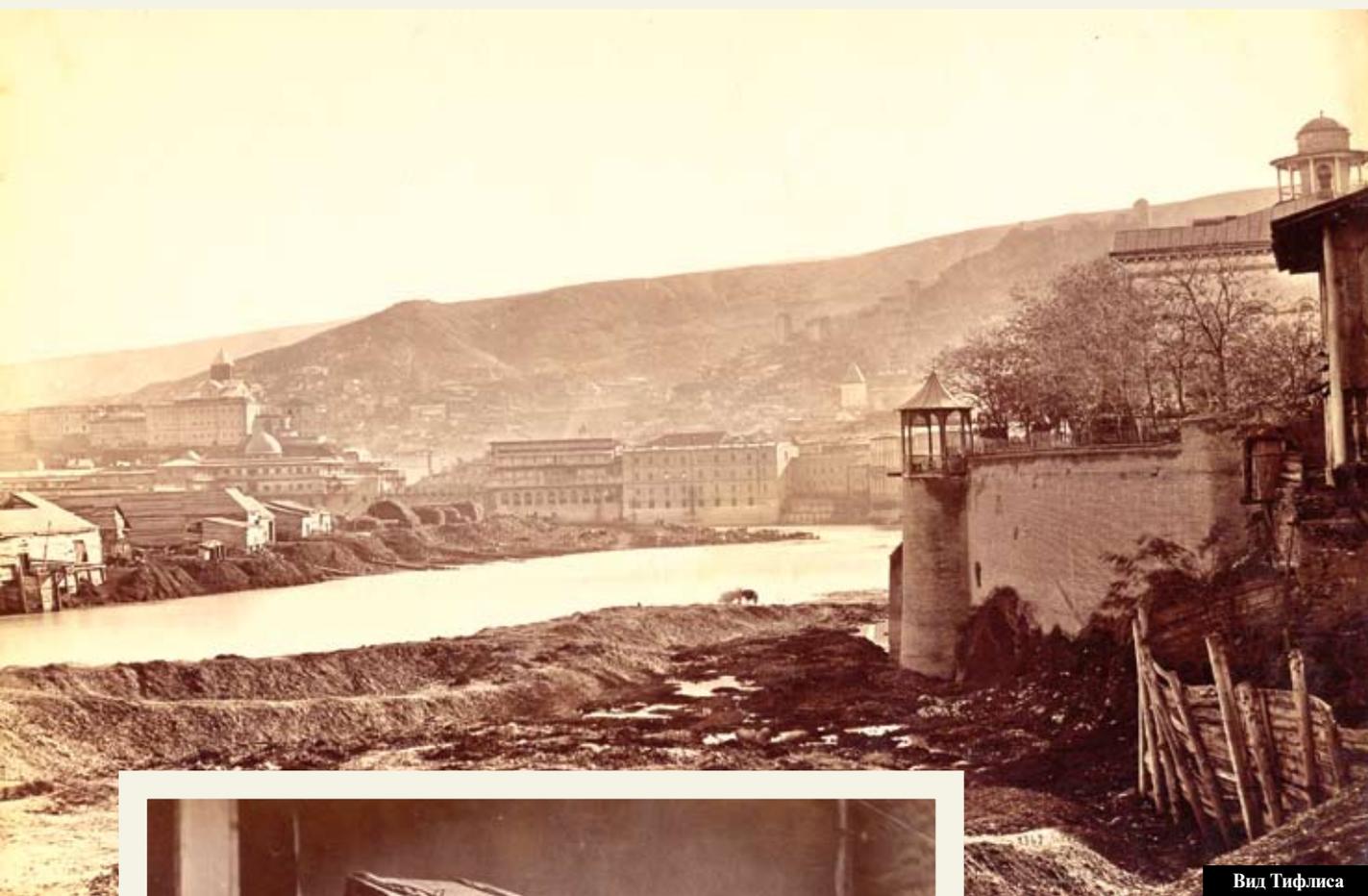
В 1912 году он отправился в Сванетию, будучи уже пожилым человеком. Во время этой поездки было создано свыше 900 фотографий, среди которых много исторических памятников.

Почетный гражданин Тифлиса Дмитрий Ермаков скончался в Тбилиси в 1916 году и похоронен на Кукийском кладбище. Фотографический материал Ермакова представляет собой драгоценнейшую коллекцию. В декабре 1916 года на страницах газеты «Сахалхо пурцели» (N742), в статье «Коллекция Ермакова», описывается коллекция и высказывается тревога за ее судьбу:

«Картины, негативы, стереоскопические негативы, природа Грузии и всего Кавказа, прекрасные места и исторические остатки. Имеются также фото-негативы этнографического и археологического содержания. Всего 19.654 единиц, 3.253 единиц стереоскопических негативов, альбомы – 15 единиц. Все пронумеровано, разложено и представляет собой особый клад для изучения Кавказа вообще и Грузии в частности. Правительство смогло обратить внимание на эту коллекцию, предполагая перенести ее в Петербург в собственность одного из учреждений. Наследникам Ермакова за коллекцию было предложено 50 тыс.рублей.

Данное драгоценное сокровище может быть утеряно для нашего края и переснять во второй раз будет невозможно, поскольку многое, заснятое Ермаковым, уже не существует, или разрушено или уничтожено невежеством.

Как стало достоверно известно, воля покойного Ермакова состояла в том, что он пожелал оставить свою коллекцию в Грузии.

Вид Тифлиса

Муши

Это обстоятельство уже привлекло внимание Общества по распространению грамотности и Историко-этнографического общества. Было решено приобрести данное драгоценное собрание снимков.

Но дело в том, что такого количества денег нет ни у одного общественного учреждения. И необходимо учесть широкую общественности и состоятельным особам, которые могут сделать большой вклад в народную кассу и спасти от потери».

В Институте рукописей имени К. Кекелидзе, в личном архиве выдающегося ученого, одного из основателей Тбилисского государственного университета им.

И. Джавахишвили хранится свидетельство, подтверждающее о приобретении коллекции. Ее значение для культурного наследия трудно переоценить: «Приобретение драгоценных портретов, негативов и картин всей коллекции и самой мастерской, неопределимый научный клад, был приобретен на паях, совместно с Историко-этнографическим обществом за 90 тыс. рублей.

В нашем распоряжении имеется фотоматериал природы, населения и исторических памятников не только Грузии, но и Персии, Османского государства и всего Закавказья в целом, приобретения которых ныне практически невозможно. Ввиду того, что

многие памятники, этнографические фотоснимки с изображением головных уборов и одежды кавказцев ныне невозможно встретить, с этой стороны, негативы хранящиеся в лаборатории Тбилисского госуниверситета представляют собой научный интерес, и этот фотографический кабинет большой дар нашему университету».

По ряду причин семья Ермаковых в течение двух лет не соглашалась продавать коллекцию. Пришло время и эта возможность появилась у общественности Грузии. Таким образом была сохранена память о том, чего уже нет в реальности.

ГЕОРГИЙ САРАДЖИШВИЛИ

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ - БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО

Течет непрерывная река времени... Меняются лики земли, уходят люди, унося с собой свои представления о мире и красоте, о смысле жизни и сути искусства. Но, чтобы не нарушалась связь времен, каждое новое поколение, прежде чем сделать шаг в неизведанное, испытывает потребность остановиться, оглянуться, вспомнить своих предшественников, взглянуть в сотворенные ими ценности.

За последние десятилетия возрос интерес к творчеству Василия Ивановича Шухаева, 120-летие со дня рождения которого отмечается в этом году.

В.И.Шухаев - человек и художник сложной судьбы. Прожив долгую, насыщенную событиями жизнь, он стал живым мостом, соединившим вторую половину XIX столетия с началом XX века, в художественных событиях которого он принимал деятельное участие.

Будущий художник родился в Москве 12 (24) января 1887 года в крестьянской семье давно обосновавшейся в городе. Рано оставшись без родителей, он воспитывался родственниками отца. По окончании школы опекуны решили определить мальчика в Строгановское художественно-промышленное училище, готовившее художников-прикладников и преподавателей черчения, рисования и чистописания для средних учебных заведений. Однако все помыслы юноши были обращены к Петербургской Академии художеств, куда он поступил в 1906 году.

В жизни и судьбе художника три города сыграли особую роль - Петербург, Париж и Тбилиси. В первом он учился, делая еще робкие шаги к овладению мастерст-

вом. Здесь он нашел друга на всю жизнь; соученика и единомышленника, художника Александра Евгеньевича Яковлева. В их дружеских отношениях счастливо сочетались, дополняя друг друга, черты характера, помыслы, творческие искания. И никогда даже тень зависти не омрачала их взаимоотношений. Поиски и находки одного подхватывались и развивались другим. С легкой руки одного художественного критика за ними закрепилось прозвище Два Аякса, намекавшее на неразрывную дружбу двух гомеровских героев.

В Петербургской Академии художеств друзья обрели в лице Дмитрия Николаевича Кардовского Учителя, наставника не только в творчестве, но и в жизни.

Основа педагогического метода Кардовского – работа с натуры, что стало главной заповедью и для его учеников. Особое значение Кардовский придавал рисунку, решая своим ученикам свободно экспериментировать, используя различные материалы. Шухаев и Яковлев избрали сангину (красно-коричневые мелки), внеся в использова-

Василий Шухаев

ние этой давно известной техники свои коррективы: они растирали сангинный рисунок тряпкой или ластиком, что давало возможность выразить живую игру света, четче моделировать объемы и формы. Оба художника обрели репутацию блестящих рисовальщиков и получили почетное звание «богатырей сангины».

В Петербурге пришла к Шухаеву и первая известность: его картина «Вакханалия», представленная им после завершения учебы на конкурсный экзамен, была замечена выдающимся русским художником, историком искусства и художественным критиком Александром Николаевичем Бенуа. Статья его, помещенная в газете «Речь», предопределила поездку Шухаева в Италию на два года для повышения профессионального мастерства.

Зимой 1920 года из голодного, замерзающего Петербурга Шухаев с женой уходили по льду Финского залива в Финляндию, чтобы оттуда, с помощью обосновавшегося в Париже А. Яковлева, перебраться во Францию.

В 1921-1934 гг. эта страна стала для Шухаева не только пристанищем, но и ареной, на которой во всю мощь развернулась его творческая натура, не знающая усталости. Он работает во всех жанрах: совместно с Яковлевым и самостоятельно создает монументально-декоративное оформ-

ление в частных домах, отелях, кабаре. Пишет многочисленные пейзажи Франции, натюрморты, заказные портреты, портреты друзей (Л. Вожея, С.Н. Андрониковой, А.М. Меликовой) и портреты деятелей русской культуры (С. Прокофьева, И. Стравинского, Ф. Шаляпина).

Его картины появляются на выставках в Париже, Нью-Йорке, Питсбурге, Брюсселе, Копенгагене, Праге и даже в далекой Австралии, принося художнику всемирную известность.

Яркой страницей шухаевского творчества французского периода стало сотрудничество с театром миниатюр Н. Балиева «Летучая мышь», для которого им были созданы феерические по своей красочности и оригинальные по выдумке эскизы декораций и костюмов. К началу 1930-х годов постепенно разошлись как творческие интересы, так и жизненные судьбы друзей: А.Яковлев уехал в США преподавать живопись и рисунок в одном из колледжей Бостона, а Шухаев, несмотря на настойчивые приглашения друга, собрался ехать в Россию.

Разразившийся в конце 1920-х годов мировой экономический кризис больно ударил по материальному положению художника, а из СССР стали поступать предложения об устройстве выставок и начале педагогической работы в Ленинградской Академии художеств. После пятнадцатилетнего отсутствия Шухаев вернулся в город своей юности и первых профессиональных успехов, сменивший к тому времени имя. Художник сразу получил несколько крупных государственных заказов на монументально-декоративные росписи в строящихся зданиях гостиницы «Москва», Государственной библиотеки и сочинского санатория Наркомтяжпрома. Успел оформить несколько театральных постановок в Ленинграде и Киеве. Одновременно преподавал живопись и рисунок в Ленинградской Академии художеств и Академии архитектуры в Москве, готовился к персональной выставке своих работ, которая состоялась в 1936 году в Москве и в Ленинграде.

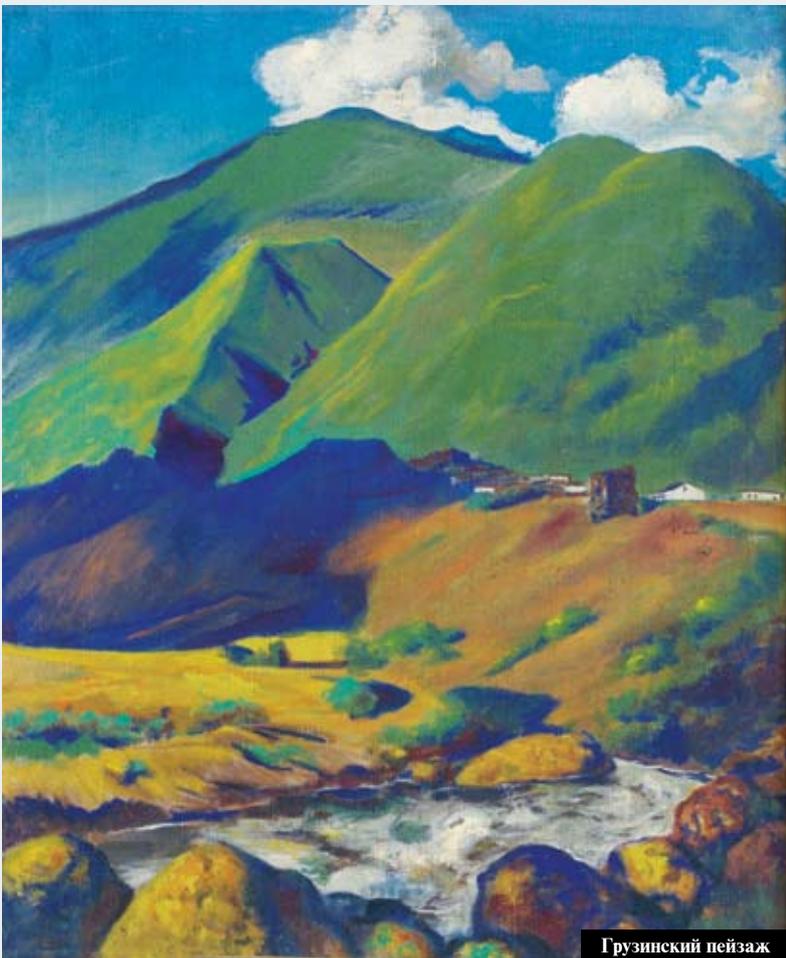
Он был полон энергии и творческих планов, но все трагически оборвалось в апреле 1837 года из-за ареста по ложному обвинению в «шпионаже в пользу Франции». Начался его крестный путь длиной в десять тяжелых долгих лет. Чем только ему ни приходилось заниматься в магаданских лагерях: валить лес, красить машины на автобазе, писать лозунги и рисовать плакаты, быть чертежником в конструкторском бюро, пока его не затребовали в Магадан. Там завершилось строительство музыкально-драматического театра, в труппу которого собирали со всей Колымы отбывавших заключение музыкантов, актеров, художников, литераторов. За время работы в этом театре Шухаев оформил 35 спектаклей. Для художника это стало именно той областью, в которой он мог найти исход своей тоске по искусству больших форм.

В апреле 1945 года закончился срок заключения, но художник и его жена остались в Магадане, работая в театре в качестве вольнонаемных. Наконец, он получил возможность свободно передвигаться и заняться масляной живописью, обратившись к портрету и натюрморту. Для портретов позировала жена, а темой натюрмортов стали скромные неяркие магаданские цветы. Будучи символом короткого магаданского лета, они являли собой аллегорию вечной жизни природы. Для художника это тоже стало сигналом пробуждения творческих сил, началом нового жизненного этапа.

Бывшим заключенным был заказан въезд в Москву,

Букет цветов

Грузинский пейзаж

Ленинград и другие крупные города Советского Союза. С большим трудом Шухаевы добились разрешения покинуть Кольму, и в 1947 году оказались в гостеприимной Грузии. Благодаря хлопотам народного художника Грузии Елены Дмитриевны Ахвледиани, они получили разрешение проживать в Тбилиси. Ахвледиани, взяв под свою опеку супругов, помогла им адаптироваться и войти в новую для них среду.

Квартира-мастерская Ахвледиани была притягательным центром для творческой интеллигенции города: на музыкальных вечерах, устраиваемых там, собирались писатели, актеры, музыканты, художники. Многие из них впоследствии стали моделями шухаевской серии портретов деятелей искусства Грузии, создававшейся в 1949-1953 годах.

Тонко чувствуя индивидуальность изображаемых им людей, художник сумел наделить каждого меткой характеристикой. Намечая фигуры и позы «тающими», текучими линиями, лица и руки он всегда скульптурно моделировал, что придавало строгость и лаконизм рисунку, выдержанному в столь близких Шухаеву академических традициях. Даже молчаливое общение с моделями шухаевских портретов приносит не только эстетическое удовольствие, но и духовно обогащает.

Запечатлев облик представителей грузинской художественной интеллигенции, духовную элиту нации, художник отобразил определенную эпоху интеллектуальной и культурной жизни страны. И в этом заключается историческая ценность и уникальность данного цикла графических портретов.

В творчестве Шухаева пейзажу всегда принадлежало равноценное с портретным жанром место. Много лет подряд, проводя лето в селе Цихис-Джвари, художник создал целую серию живописных пейзажей этого красивейшего уголка. Под влиянием красочного многообразия южной природы пейзажные работы Шухаева стали сочнее и насыщеннее по колориту.

С возрастом у художника как бы заново открылись глаза на цветное богатство мира, и тогда он обратился к цветочным натюрмортам. Среди них были непритязательные в своей скромной прелести цветы лесов и полей и блистающие утонченной красотой и расточительной пышностью творения садово-паркового искусства, а художник все писал и писал, и никак не мог насытиться изысканностью и изощренностью форм этих прекрасных созданий природы.

У семидесятилетнего художника открылось «второе дыхание»: он преподает в Тбилисской Академии художеств, участвует в выставках, проходящих как в Грузии, так и за ее пределами, готовит и устраивает свои персональные выставки в Москве (1958 г.), в Тбилиси и Ленинграде (1962 г.). Последняя прижизненная выставка Шухаева с триумфом прошла в 1968 году в Ленинграде, в стенах его alma mater – Академии художеств.

Но годы брали свое, и художник с горечью констатировал: «Мысли все мои в искусстве /.../, а близкий конец не позволяет думать о будущем».

Василий Иванович Шухаев скоропостижно скончался 14 апреля 1973 года.

Несмотря на все капризы Фортуны, он до конца остался верен духовным идеалам молодости, а в своем творчестве, следуя заветам Учителя, был предельно правдив, искренен и честен.

НОННА ЭЛИЗБАРАШВИЛИ

СУДЬБА ПОДАРИЛА ДРУЖБУ

Рафаэл Михайлович Мерабов, Рафик – говорим мы и вспоминаем большой, красивый творческий путь пройденный им. А путь этот от заместителя директора Тбилисского русского театра юного зрителя до вице-президента Международной конфедерации театральных союзов. Между этими датами сколько чего пройдено. После переезда в Москву он – директор-распорядитель Московского ТЮЗа. Какие замечательные спектакли рождались в стенах этого театра. Еще бы! Илья Коган – директор, Рафик Мерабов – заместитель директора, Михаил Чигирь – главный бухгалтер и Павел Комский – художественный ру-

ководитель. В результате – великолепно организованный театр, создающий творческую атмосферу и радующий зрителя яркими спектаклями и неизменными аншлагами. Как не вспомнить такие спектакли, как «Под каштанами Праги», «Мой брат

играет на кларнете», «Я, бабушка, Илико и Илларион» и много-много других. Кстати, последний шел с огромным успехом в постановке Гиги Лорткипанидзе. Именно он открыл в роли бабушки совсем еще юную Лию Ахеджакову.

Потом был Московский театр оперетты – директор; Малый театр, театр имени Образцова. И все же главное – вице-президент Международной конфедерации театральных союзов. Сколько интересных дел совершено было им. И сегодня Международная конфедерация театральных союзов живет и работает в прекрасном помещении по Леонтьевскому переулку, 21/1, которое отстоял и получил именно он.

В груди Рафика билось большое, трепетное сердце, вмещающее в себя доброту и тепло. Он был необыкновенно деятельным человеком. Отлично знал и любил театр, главное он любил людей, и это отражалось в его лучистых глазах. Да, глаза были удивительными. Они всегда светились удивительным светом, блеском, согрели тебя. Говорят, глаза – это зеркало души. Глаза Рафика отражали его характер, который был невероятно ранимым. А как умел он ценить настоящих друзей! Друзья отвечали ему верностью и преданностью. Они твердо верили и знали – в трудную минуту Рафик всегда рядом, он поможет и сделает все, что в его силах. И даже больше.

Зачем только он ушел от нас так рано, непредсказуемо рано. Он оставил нас, своих друзей, осиротевшими, но мы его никогда не забудем! Пишу эти строчки, а сердце невольно сжимается, особенно когда вспоминаю тот ужас, тот страшный удар, который ему и Карине пришлось пережить. Погиб в автокатастрофе его младший сын – чудесный мальчик, ему было всего 17 лет.

И, неспроста, вскоре после этой трагедии Рафик с Кариной приехали в Тбилиси. Здесь их встретили близкие. Здесь их окружили теплом и лаской и постарались хоть как-то облегчить боль утраты.

Как много воспоминаний! Они вьются вокруг и напоминают многое. Но разве можно вспомнить все? Конечно, нет! Воспоминания остаются где-то в сознании и сердце и все!

Творческий путь Рафика многогранен и насыщен большими делами, которыми он жил. Какое счастье, что на моем жизненном пути был Рафик Мерабов – светлоглазый, чуть ироничный. Спасибо судьбе, что она подарила мне дружбу – красивую, светлую, с такой личностью, каким был Рафаэл Михайлович Мерабов.

ИРИНА ГОЦИРИДЗЕ

«А знаете, сегодня мы все вместе...»

Как ни далека, по сути, культура от политики, избежать влияния последней, увы, не удастся. Впрочем, как и всегда, многое здесь происходит по принципу «невзирая» или даже «вопреки». Вот и на исходе минувшего года случилось в Тбилиси сразу два события, заставивших забыть о том, что отсюда в Москву «и самолеты больше не летают», – представление первого компакт-диска Клуба бардовской песни («есть такая партия!») и премьеры в Грибоедовском театре спектакля по роману Булгакова «Мастер и Маргарита».

И если театральная рецензия – дело серьезное и сугубо профессиональное, то не откликнуться на вечер авторской песни (понятной всем и многими любимой) – просто «непатриотично».

Хотя, казалось бы, давние и высокие традиции русской словесности в Грузии начинают подзабываться, но «ничто не проходит бесследно», – непреходящая любовь к русской поэзии, русскому романсу (который здесь пели и поют не «голосом», а сердцем), к песням Окуджавы, Высоцкого, Визбора, Галича, Кима, популярность русского рока (Макаревич, Гребенщиков, Шевчук, Земфира) не позволяют говорить о забвении. Теперь ведь и любимые всеми грузинские городские мелодии почти уже не звучат. Ох уж, эти времена, когда музыку заказывают те, кто больше платит, и эфир заполнен бездарной попсовой дребеденью!

И как не подивиться, не порадоваться, когда вдруг попадаешь в уютный зал, где ловят каждое доносящееся с импровизированной сцены слово, и последний гитарный аккорд тонет в налетающих аплодисментах...

Что до терминов, – заграничное «бард» звучит, конечно, эффектно, но, признаюсь, сочетание «авторская песня» мне больше по душе. Барды – «вольные стрелки», поют о чем и как хотят (потому, наверно, и кодировка

КСП – Клуб самодельной песни – до сих пор в ходу: самодельность ведь ни к чему не обязывает – стихи, музыка, гитарка, – что на кухне, что на сцене). Авторская песня предполагает не меньше чувств, но больше мысли. И ответственность за каждое свое слово. И, простите, – все же мастерство, т.е. наработанную трудом и временем привычку (иначе – пой себе на здоровье за столом и у костра). Здесь стоит вспомнить и о понятии «авторское кино», представителей которого объединяет именно стремление к полной творческой свободе.

Конечно же, чудо это случается не всегда, – когда твоё творение вдруг избавляется от мишуры и суеты, обретает неповторимость, – и ремесло приближается к искусству. В абсолютно равной степени это относится ко всем профессиям – от сапожников, портных, врачей, виноделов, учителей до композиторов, художников, ар-

Михаил Ляшенко

тистов. Плохих дирижеров, например, музыканты называют «махальщиками». И только поэты всегда стоят обособленно, ибо сочинитель плохой музыки – тоже композитор, но автор банальных виршей – уже не поэт, а стихоплет.

«Авторская песня» – значит на этом первом диске, и это – как заявленный вектор творчества всех его создателей.

Не все здесь, однако, равноценно, – может сказать въедливый критик. – Так ведь это нормально, иначе ведь и не бывает. Говорите, «саунд» не всегда на уровне? – Но ведь это не вымученные месяцами в дорогих студиях и тщательно потом смонтированные «треки» эстрадных «звезд», – этот диск писался вживую, на свои деньги и по большой дружбе. И не в Лондоне это было, а в нашем родном городе. Так что, говорить больше пристало не о форме, а о содержании.

Сегодня мы все вместе

Ирина Парошина (строки из ее «Посвящения Окуджаве» дали название диску и выведены в заголовок этого материала); Дмитрий Лоскутов; Александр Акимов; Людмила Орагвелидзе (автор двух сольных альбомов и сборника стихов, третий альбом – в процессе подготовки); Ирина Кажьянц; Сусанна Армянян (сборник ее стихов готовится к изданию); Екатерина Думбадзе; Михаил Ляшенко (помимо давней привязанности к поэзии и авторской песне, всерьез занимается исследованием литературных и художественных событий первой трети XX века в Тбилиси и на Кавказе. Это его ежесубботный литературно-культурологический «ликбез» в одной из аудиторий ТГУ во многом способствует всему тому, о чем говорилось выше); Константин Хачатуров; Александр Дьяченко; Вахтанг Арошидзе (один из «старейшин» авторской песни в Тбилиси); Давид Мезурнишвили.

Кто-то из представленных на диске авторов (невзирая на возраст и опыт) уже обрел свой стиль, иные – в поиске. У одних – это излияния «мятущейся души», другим дано надеть и наши чувства. И тогда переживания обретают исповедальность, вовлекая и нас в свой образный строй, который мог показаться вначале сугубо личным. И главное, что стоит отметить особо: все песни звучат современно, но в них вы не услышите жаргонизмов, «приблатненной» лексики, эдакой «рассейской простецкости», которой в последние годы повсюду кокетничает московская богема (послушать их, так в России мужчин и женщин не осталось, – сплошь мужики и «обычные бабы». И как тут не вспомнить некрасовское «Есть женщины в русских селеньях...»).

Можно, конечно, поговорить о сути, о стиле, о манере исполнения, о степени владения инструментом – обо всем, что спору поддается, но вот чисто языковых огрехов и грехов я, к счастью, не заметил. И в этом, кстати, – продолжение давнишних традиций этого жанра, начиная еще со студенческих песен чуть ли не пушкинских времен, – той же знаменитой «Крамбамбули» («Когда случится нам заехать на пьяный постоялый двор, мы, прежде чем сесть пообедать, все к рюмкам устремляем взор...») или не менее популярного «Дурака» («Исаак Ньютон свой век трудился, чтоб доказать тел притяженье, – дурак, он лучше бы влюбился, тогда бы не было сомненья...»). Несмотря на известную вольность некоторых пассажей, в стилевом отношении это выглядело не только не пошло, но, в какой-то степени, даже элегантно.

Так что, герои этих заметок, вдали от России, на берегах Куры и «на холмах Грузии», сохраняют «великий и могучий», берегут его от всяческой словесной моли и червоточины. И, что также немаловажно, все участники этого клуба составляют слаженное товарищество, в котором голос каждого, не теряя своей индивидуальности, умело и щедро «подпевает» всем остальным.

Настал черед назвать и эти имена (в порядке их расположения на CD).

Перед записью

И наконец, – об «организаторе и вдохновителе» всего этого доброго предприятия Наире Джорбенадзе, благодаря усилиям и стараниям которой образовался Клуб бардовской песни, и, соответственно, был записан и выпущен этот диск. Увлечение авторской песней привело к тому, что, помимо профессиональных занятий музыкой, а затем и русской филологией, Наира не теряла надежду собрать своих рассеянных по городу единомышленников и добилась-таки своего. В наши дни – поступок неординарный.

Спасибо всем! А из пожеланий – наверно, вслушиваться вновь и вновь в песни Булата Окуджавы (как и музыка Вивальди, это не приедается, не утомляет), всякий раз убеждаясь в том, что самые известные из них – по сути, самые простые. И вы вдруг восходите (или возвращаетесь) к той степени наивности и простоты, которая свойственна детям и гениям. Это как у Пастернака – впасть «как в ересь, в неслыханную простоту»...

АНДРЕЙ БЕЛЯВСКИЙ

ВАЖНОЕ И ПОЛЕЗНОЕ ИЗДАНИЕ

Б. Стулка:
Театр – та же реальность, только
в художественной форме 32-34

К. Лавров:
Юбилей собрал «однополчан» 28-31

А. Варсимашвили: Все сделанное – не зря

ИЗ ТБИЛИСИ

Журнал «Русский клуб» - чрезвычайно важное и полезное издание в условиях непросто складывающихся в последнее время российско-грузинских отношений. Я думаю, что он успешно выполняет миссию по сохранению связей российской и грузинской культур.

Его публикации интересны, познавательны. Мне как музыканту особенно интересны статьи, посвященные вопросам культуры. Добрых слов заслуживает и полиграфическое оформление.

**Инееса Барамидзе,
музыковед, доктор искусствоведения**

Хочу принести большую благодарность от себя и моих близких создателям журнала «Русский клуб» за духовное обогащение, приносимое этим прекрасным изданием. Поражает большой спектр тем, отличный

стиль, прекрасный язык предлагаемых статей. Читая журнал от корки до корки, окунаешься в тот богатый духовный мир, в котором хотелось бы находиться постоянно. Много эмоциональной радости привнесли вечера, проведенные в Грибоедовском театре - моноспектакль «Ангелова кукла», концерты, посвященные памяти Д.Д.Шостаковича и М.Л.Таривердиева. Низкий поклон всем причастным к данным проектам.

**Нина Абгарова,
преподаватель 10-й музыкальной школы**

Современному человеку, которого захлестывает поток информации, нелегко сделать выбор материала для чтения. Я сделала свой выбор, приобщившись к прекрасному журналу «Русский клуб». Журнал в достаточной мере пишет обо всем, что интересно читателям независимо от национальности и возраста. Это искренний, откровенный и современный журнал.

Валентина Дзамашвили, пенсионерка

С удовольствием читаю журнал «Русский клуб». Мне доставляют большую радость очерки и статьи, написанные с высоким профессионализмом, теплотой и любовью.

**Виолетта Харатишвили,
филолог**

Ознакомившись с содержанием номеров журнала «Русский клуб», получила огромное эстетическое наслаждение. Журнал богат информацией из истории культурной жизни республики, аборигенами которой являемся я и мои друзья. Создатели журнала, его главные участники, вся редакционная команда вложили большой труд. Спасибо им огромное и низкий поклон!

Журнал пролил свет на созданные художественные ценности солнечной Грузии, на лиц, преданных великому искусству.

Софья Оганова, врач

Я постоянная читательница и почитательница журнала «Русский клуб». Под руководством прекрасного журналиста Александра Сватикова работает команда талантливых, эрудированных специалистов. Журналисты и не только они пишут замечательные статьи, которые читаешь и перечитываешь с большим волнением. Прекрасно составлены интервью, подобраны фотографии. Я и мои друзья сердечно благодарим редактора Александра Сватикова. Приносим благодарность Николаю Николаевичу Свентицкому, замечательному организатору, автору множества увлекательных проектов, поздравляем его с юбилеем и желаем всегда оставаться таким же энергичным, добрым, приветливым, дарующим людям радость общения.

**Эльга Мелик-Парсаданова,
пианистка, профессор Тбилисской консерватории**

ГРИБОЕДОВЦЫ
В ТЕАТРЕ НАЦИЙ

С «ПОЛСЕДЬМОГО»
ГОДА Я СВИХНУЛСЯ
НА ТЕАТРЕ

«НЕ НАДО ЗАВОДИТЬ
АРХИВА...»

ИЗ МОСКВЫ

Дорогие земляки!

Я не сделаю открытия, сказав, что наше время в равной степени характеризуется тягой культур друг к другу и отставанием своего своеобразия. Именно в точке пересечения этих тенденций возникло такое многообещающее издание, как выходящий в Тбилиси журнал «Русский клуб». Что может быть органичнее и естественнее, чем само это понятие – русский клуб в грузинской столице! Ведь многовековая история взаимоотношений двух народов-соседей украшена лучшими, любимейшими именами наших народов. Мне думается, что инициаторам полезного издания следует, независимо от переменчивой политической погоды, делать важное и нужное дело – сохранять атмосферу взаимной заинтересованности, взаимной приязни и искренней дружбы между грузинами и русскими, которую выпестовали наши предки и завещали нам – не слишком рачительным потомкам.

Что касается моего участия в литературном разделе журнала, всегда готов в меру своих сил способствовать успеху «Русского клуба».

С любовью и уважением,

Александр Эбаноидзе,
главный редактор журнала «Дружба народов»

ИЗ ПАРИЖА

Уважаемая редакция «Русского клуба»!

Прочла в третьем номере вашего издания статью Марии Филиной «Не надо заводить архива» и решила вам написать, так как в ней идет речь о моем муже, Вадиме Марковиче Козовом.

В.М. Козовой – автор трех поэтических сборников, блестящих переводов французской поэзии (кстати, первая публикация его изумительного Рембо была в «Литературной Грузии»), эссеист, философ, глубокий критик. Во Франции ему за его труды был присужден орден «Кавалера искусств и литературы», очень высокая награда. После его смерти вышло несколько посвященных ему книг и в России, и во Франции.

На его похоронах присутствовали и выступали самые известные поэты и мыслители французской элиты. Был другом выдающихся людей – философа Мориса Бланшо, поэтов Анри Мишо, Рене Шара, которые очень ценили эту дружбу (а в Грузии он был своим человеком в семье замечательного ученого Акакия Константиновича Гацерелия; и он, и его жена, Ламара Владимировна, относились к нему как к сыну). Два года назад в Тбилиси в Союзе писателей Грузии прошел вечер его памяти, на котором собравшиеся друзья с необыкновенной теплотой вспоминали Вадима, горюя о его безвременной смерти.

Как писал в некрологе Борис Дубин, известный ученый и наш друг, «два крыла несли жизнь Вадима – поэзия и дружба». Особенно Вадим любил Грузию и грузинских друзей. Именно по его инициативе наша семья приняла решение продать часть архива (еще и потому, что в этой части очень много переводов Б.Л. Пастернака с грузинского) в музей вашей страны.

Ирина Емельянова

ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ

Уважаемая редакция «Русского клуба»!

С большим интересом, с удовольствием прочитала еще ваш первый номер. Замечательный журнал получился. И дело ваше – хорошее, нужное. Значение его очевидно и несомненно. Вот вроде бы и собралась написать что-то про ценность развития сотрудничества и взаимопонимания между Грузией и Россией, но кто как не вы знаете это, чувствует это.

Я совершенно влюбилась в Грузию, в Тбилиси приезжала по делам в конце октября 2005 года. Побывала

ВЛАСТИ ССОРЯТСЯ –
НАРОДЫ ДРУЖАТ

ИЗ КОПЕНГАГЕНА

Журнал чудесный. Подлинное двукультурье, и никакой коммерции. Это особенно невероятно, когда кругом такая экономическая дыра. Очень понравилось эссе о Товстоногове и Кознакове. Я пока дошла до интервью с Эбаноидзе. Два материала Инны Кулишовой о Мамардашвили и Канчели совершенно потрясающие, кое-какие постулаты Мамардашвили я узнала из комментариев к стихам, и вообще стало понятно, как возник «актерский

на прекрасном спектакле «Ханума» и на юбилейном вечере русского драматического театра. Вот с того самого вечера и поняла я, что хочу непременно как-то в этом участвовать. Не в театральные постановках, конечно, а в

цикл», ну, понятно – здесь не то слово, а просто прониклась всей вашей атмосферой («эмпатия», как сказал Андрей Зырянов в комментарии к «Соленой росе»).

Корректор у вас первоклассный! Простите, невольно стала обращать на это внимание, коль скоро сама занимаюсь тем же.

Как вы работаете? На что издаетесь? Какой у вас тираж? Как распространяетесь? Мне это все страшно интересно, и непраздно: у нас куча проблем с этим. Дай Бог вашему журналу долгой-долгой творческой жизни.

Журнал, занимающийся распространением культуры, необходим как воздух!

Наталья Литвинова, поэт

ИЗ ЕРЕВАНА

Уважаемая редакция!

Примите дружеский привет из Армении. Мне 28 лет. Я русскоязычный поэт. Пару недель назад из Грузии вернулся мой приятель Виктор Минасян. Он привез с собой несколько номеров весьма интересного, на мой взгляд, журнала «Русский клуб». Я проглотил их в один присест. Журнал оригинальный. Поражает воображение не только его оформление, но и многоцветная палитра тем, которые он затрагивает.

Как человек верующий, я придаю большое значение таким публикациям, как «Великомученик Георгий» и «Монастырь Святой Ольги».

Впечатляющими оказались судьбы известных в прошлом спортсменов, как Нина Дронова, - еще с детства помню нашумевший в свое время фильм «Чудо с косичками».

Надеюсь получить информацию о жизни литературного Тбилиси. Желаю вам творческих успехов.

Роберт Бадалян, поэт

Уважаемые господа! Здравствуйте! На сайте www.russianclub.ge Нашел статью о летчике князе Абашидзе. Помогите связаться с автором статьи. Очень нужно! Я много лет занимаюсь биографиями летчиков Российской империи и нигде не мог найти сведений о князе Абашидзе. Очень прошу помочь!

Дольников Мирон Львович

От редакции:

В письме М.Л. Дольникова речь идет о документальном очерке «Мученик с Вознесенской улицы» заслуженного журналиста Грузии Арсена Еремяна, которому в результате многолетнего журналистского поиска удалось вернуть истории имя первого грузинского военного летчика Михаила Дмитриевича Абашидзе, участника Первой мировой войны, погибшего в застенках ЗакГПУ в 1928 году (см. «РК», N 9, 2006 г.). После него, к сожалению, никого не осталось из близких, не сохранился и личный архив летчика.

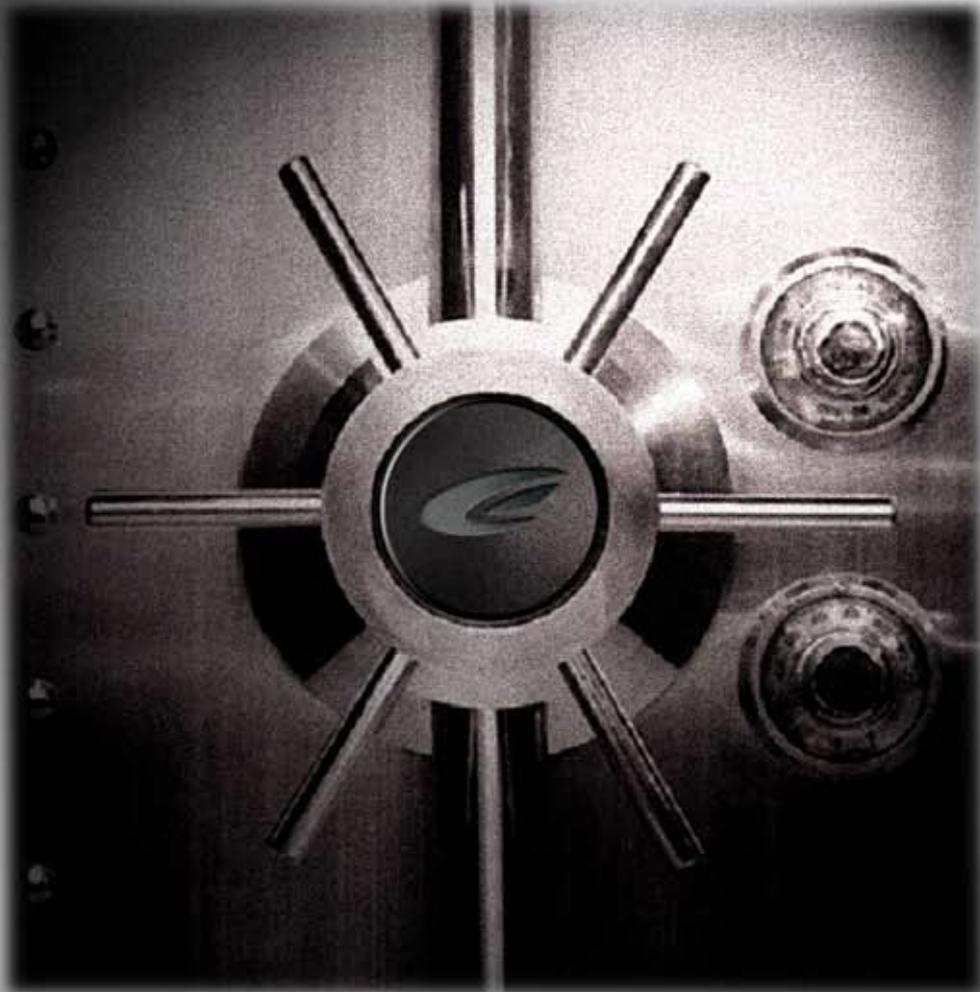
деле укрепления дружбы между двумя государствами. И вашему журналу спасибо за это вдохновение.

С самыми наилучшими пожеланиями,
Анастасия Прошутинская,
Ярославское региональное общество «Педагогика и культура»,
аспирантка ЯрГУ, кафедра социальной психологии

გაერთიანებული ქართული ბანკი
UNITED GEORGIAN BANK

Address: 14 Chanturia Str. Tbilisi, 0102 Georgia
Telephone: (+ 995 32) 505-505
Fax: (+ 995 32) 505-500
E-mail: admin@ugb.com.ge
Internet: www.ugb.ge

 ბანკი ქართუ
CARTU BANK